

18+

Анна Тищенко

Людмила Емелина

Волшебные приключения

в мире финансов

книга 3

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ДАРУ

Людмила Емелина

**Рождественское пари. Серия
«Волшебные приключения
в мире финансов». Книга 3**

«Издательские решения»

Емелина Л.

Рождественское пари. Серия «Волшебные приключения в мире финансов». Книга 3 / Л. Емелина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-684667-8

Новые приключения молодого Санта Клауса и рождественское пари — кто больше заработает, он, на стабильном производстве, или его жена, запустившая стартап — кафе?

ISBN 978-5-00-684667-8

© Емелина Л.
© Издательские решения

Содержание

Начало осенней зимы	8
Портреты пушистых монстров	16
Кто виновен в смерти мисс Сноу?	22
Устроиться секретарем к зятю	28
Черные эльфы	33
Дизайн и другие неприятности	44
Открытие нового дела	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рождественское пари Серия «Волшебные приключения в мире финансов». Книга 3

**Анна Тищенко
Людмила Емелина**

© Анна Тищенко, 2025

© Людмила Емелина, 2025

ISBN 978-5-0068-4667-8 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-3709-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторах

Анна Тищенко

писатель, автор девяти романов, в том числе приобретшего широкую известность «Либертиона»; член Союза писателей России, автор бестселлеров Литрес и Озон (2019), победитель Интернет-конкурса на лучший рассказ (2015); профессиональный художник – график и иллюстратор (МГАХИ им. Сурикова), член МОСХа, автор многочисленных персональных выставок в России и за рубежом; лауреат ряда российских и международных художественных конкурсов.

Людмила Емелина

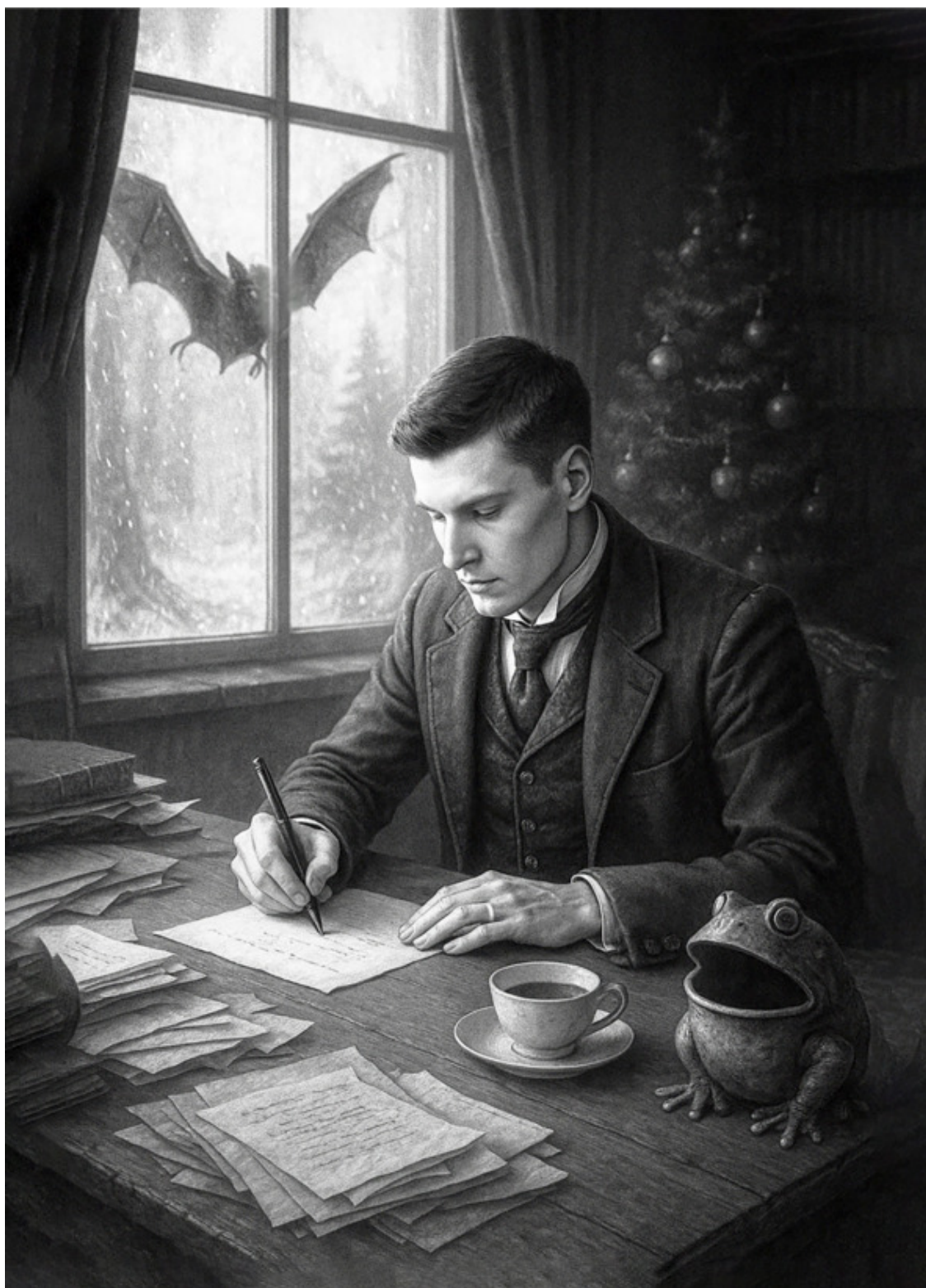
Емелина Людмила – кандидат юридических наук, член-корреспондент РАЕН, доцент Высшей школы правоведения Института права и национальной безопасности Президентской Академии. В 2025 году присвоено почетное звание «Почетный работник сферы образования Российской Федерации». В 2025 году получила диплом «Лучший преподаватель Института права и национальной безопасности Президентской Академии». С 2009 г. член Экспертного совета по семейному и социальному праву при Комитете Государственной Думы Федерального Собрания РФ по вопросам семьи, женщин и детей. Автор более 200 научных и учебно-методических работ по теории и истории государства и права, гражданскому, семейному и трудовому праву. С 2014 г. принимает активное участие в мероприятиях по повышению финансовой грамотности школьников, организуемых Национальным советом финансового рынка. С 2018 г. в рамках проекта НСФР «Финансовая грамотность с детства» основала и является соруководителем Молодежного финансового клуба довузовской подготовки «Афина» на базе ГБОУ «ЦСиО «Московская экспериментальная школа» Москомспорта и Президентской Академии. В 2019, 2023 и 2024 годах стала лауреатом Международной премии в области экономики и финансов им. П.А.Столыпина в номинации «За вклад в повышение финансовой грамотности».

Начало осенней зимы

Клаус проснулся и тут же пожалел об этом. Практически бессонная ночь над бизнес-планом, пара литров крепчайшего кофе, а под утро, когда глаза совсем уж стали слипаться, он еще и попробовал энергетический напиток «Бодрый вурдалак». Разумеется, такому почтенному существу, как вурдалак, по ночам полагается быть бодрым, а днем мирно спать в своем уютном склепе. Чего не скажешь о молодом, успешном бизнесмене. Клаус раздраженно взглянул на полупустую баночку, словно она была причиной его ужасного состояния. «Усталость, стресс, упадок сил и настроения?» – нагло вопрошала надпись на банке – «Отведай „Бодрого вурдалака“ и почувствуешь себя, как на крутой вечеринке!»

Ну вот, а сейчас он чувствовал себя, как *после* крутой вечеринки. Клаус несильно размахнулся и отправил недопитую банку в урну в виде мрачной, пупырчатой жабы. Жаба ожила, разинула пасть, проглотила банку с остатками «Бодрого вурдалака» и немедленно начала икать. Клаус сжал ноющие. Так, надо собраться. Сегодня первое сентября, а значит, начинается время, которое он любил больше всего. Отвратительная летняя жара пойдет на спад, в вершинах исполинских елей, что окружают дом, зашумят холодные северные ветра, и начнется подготовка к Рождеству. Дел предстоит немало – его любимая фея секретарь Люси начнет получать письма, в которых дети в возрасте от пяти до девяти лет пишут свои тайные желания Санта Клаусу, инженер Ланселот придумает новые удивительные игрушки, а механические рабочие сделают их на заводе в заброшенном городе Айронволл. Любимая жена Молли будет экспериментировать с рецептами рождественских пудингов и конфет, и ей помогут домашние эльфы брауни, а тролль Гордон начнет готовить к самой великой ночи года пушистые елки.

Клаус с удовольствием окинул взглядом свой рабочий кабинет. Было раннее утро. В этот час поют петухи, нечистая сила с чистой совестью отправляется спать, а добропорядочные граждане просыпаются, чтобы обругать петухов, швырнуть в них ведром и снова завалиться в постель. Через высокие окна слабый утренний свет лился на заваленный бумагами стол. Чего тут только не было! Чертежи, договоры на поставку красок для росписи игрушек, шелка и бархата для мешочков, озерного песка, чтобы делать стекло, налоговые декларации, сметы на материалы. Чернильница из цветного стекла опустела, свечи в канделябрах на каминной

полке догорели, оплыли слезами воска, и книжные шкафы вдоль стен погрузились в уютный полумрак. Росшие прямо из пола мохнатые ели по летнему времени были украшены мандаринами, засахаренными звездами бадьяна и золочеными бантами. Тикали старые напольные часы, в углу икала несчастная урна. «Бодрый вурдалак» и ей не пошел на пользу.

Такая милая сердцу, знакомая картина! Вот сейчас придет Люси, наведет наконец порядок на его столе, сварит ему... Нет, пожалуй, кофе сегодня уже не влезет, да и вредно столько пить. Он, конечно, еще совсем молод, триста пятьдесят девять лет для мужчины из рода Клаусов еще зеленая юность, но все же. А ближе к обеду брауни принесут горячие круассаны, остро пахнущие корицей, явится Ланселот с папками, полными чертежей, набросков и схем новых рождественских игрушек. И они снова устроят бардак на рабочем столе, и будут разговоры, смех и споры, и явится Гордон, немного неуклюжий и рассеянный, как все тролли, разобьет пару чашек, слопают абсолютно все круассаны, а заодно, увлекшись производственными дискуссиями, еще и тарелку. Люси будет мешать Ланселоту работать, бросая на него романтические взгляды, он будет смущаться. Вот ведь парочка – фея и оборотень! И будут шум и смех, запах еловой хвои и мандаринов, тонкие ленты дыма от свечей на камине. Так из года в год, ничего не меняется, не изменится и теперь. И как же это прекрасно!

Краем глаза он заметил, как со стороны леса что-то стремительно приближается к окну. Это «что-то» сделало неуверенную попытку затормозить в воздухе, не смогло и с глухим стуком врезалось в оконное стекло. Затем медленно, с противным скрипом сползло вниз и шмякнулось на подоконник. Клаус заинтересовался. Он поспешно встал, разминая затекшие плечи, и открыл окно.

На подоконнике полулежал нетопырь размером с некрупную собаку и одурело тряс мохнатой головой. Взглянул на солнце, подслеповато прищурился. Перевел взгляд на Клауса, скривился. Нехотя, с видом великого одолжения, протянул ему пергамент с сургучной печатью. Вид у него был, как у королевы, подающей милостыню жалкому нищему. Клаус бережно взял нетопыря на руки, положил в свое рабочее кресло, погасил настольную лампу. Пусть отдохнет в темноте, бедняга. Печать сломал с нехорошим предчувствием. Герб он узнал – волчья голова, лилия и меч. Герб дома Моубрей. Письмо от Ланселота, но зачем? Ведь они и так через пару часов встретятся. Клаус развернул пергамент, но вместо резкого, угловатого почерка Ланселота увидел изящные вензеля и безупречно ровные строки. Рука его секретаря Люси.

«Босс! – начало письмо деловитым, нахальным тоном. – *Мы с Лансом тут подумали, и я решила, что нам обоим нужен отпуск. Что-то вроде романтического путешествия, совсем небольшого, месяца три – четыре.*

– Но... – пролепетал ошарашенный Клаус, ни к кому, собственно, не обращаясь.

«*Да знаю, знаю. По Трудовому кодексу я должна спросить вашего разрешения. Ну вы же не против, правда, правда, правда?*»

– Ну... – возмутился Клаус, гневно уставившись на жабу. Та вернула ему негодующий взгляд и снова икнула.

«*Конечно, я должна была предупредить заранее, ну так до Рождества еще полно времени, и вы найдете нам временную замену. Знаю, знаю, я незаменима, а вот вместо Ланса можно позвать Эриха, он прекрасный дизайнер и конструктор, да и работал у вас до Ланселота много лет. Он ведь ушел с работы, чтобы проводить время с любимой женой и дочками, и заняться, наконец, настоящим творчеством. Так что, думаю, он теперь дико рад будет вашему предложению вернуться.*

– Между прочим... – начал Клаус, у которого изумление сменилось гневом. И как всегда, когда он злился и переставал себя контролировать, в комнате резко похолодало и с потолка повалил снег.

«*Вы, конечно, скажете, что причиной отпуска за свой счет могут быть только рождение, смерть и заключение брака. Ну, я решила, что это коротенькое романтическое путе-*

шествование как раз и поможет Лансу решиться сделать мне предложение и заключить брак. Он у меня такой робкий и застенчивый, бедняжка, никак не осмелится. Так что по итогам поездки основание для отпуска должно появиться».

Клаус подумал, что назвать застенчивым бедняжкой покрытого шрамами двухметрового воина может только очень наивная девушка. Или очень нахальная. Могла бы хоть официальное заявление написать, негодница. Он еще раз заглянул в письмо.

«P.S. В приложении к письму официальное заявление. Подпишите, пожалуйста».

Вот ведь... Рука Клауса по локоть блуждала в кипе бумаг на столе. Безуспешно.

«P.P.S. Ваша ручка в верхнем ящике стола, между стопками актов приема-сдачи и журналом „Горячие пышки Виридиума“. Я так поняла, вы оформили подписку по ошибке, полагая, что это каталог сдобной выпечки».

И вот как прикажете жить без такого секретаря? Клаус нащупал ручку, непослушной рукой подписал заявление, медленно и тяжело опустился в рабочее кресло. Вскочил, впрочем, резво и энергично – придушенный нетопырь негодуяюще взвыл и затрепыхался.

Дверь в кабинет распахнулась безо всякого предупреждения, и влетел Ричард – старый, мудрый и очень ворчливый ворон. Он служил советником еще отцу Клауса, ныне покойному, обладал огромными знаниями и еще большим пессимизмом. Ворон спикировал на книжную полку, неторопливо и важно прошествовал вдоль шеренги старинных книг, церемонно поклонился Клаусу.

– С добрым утром. Хотя по мне, эти утра добрыми не бывают.

В кои-то веки Клаус был с ним полностью согласен.

– Ричард, что делать?! Я разом лишился и инженера, и секретаря!

– Они умерли?

– Хуже! Ушли в официальный отпуск.

Ричард помолчал, обдумывая услышанное. В целом, его господин прав. Если работник умер, еще не все потеряно. Можно обратиться к колдунам, на худой конец есть компания «Зомби лайф». Конечно, откапывание из могилы и последующее воскрешение человека без его согласия сопряжено с кучей юридических проблем, но, если нанять хорошего, дорогого юриста... Проблемы, которые можно решить за деньги, это не проблемы. Это расходы. А вот если человек ушел по всем правилам в «отпуск за свой счет» – тут уж беда.

– Ну, с нашим эльфом проблем не будет, – заговорил он наконец. – А вот насчет временного секретаря... Я бы тебе порекомендовал Розмари, сестру твоей жены.

У Клауса было немало недостатков. Он был вспыльчивым, легко впадал в ярость, мог под воздействием гнева принять решение, о котором потом жалел. Консервативный и педантичный, он не любил перемен, а бизнес – это всегда эксперименты и перемены. Был гордым до непрактичности, а бизнес – это умение подстроиться под конъюнктуру и ситуацию. Но решительности и смелости ему было не занимать. Его не пугали чудовища, живущие в самых темных чащах Мертвого леса, он мог выйти на поединок с великанами Ледяных гор, и ни один мускул не дрогнул бы на его лице. Его лицо оставалось совершенно спокойным и бесстрастным, даже когда в почтовом ящике обнаруживалось письмо под зловещим грифом «налоговая инспекция». Но при имени свояченицы Клаус вздрогнул и задрожал, как бланманже, а его и без того белая как мел кожа стала еще бледнее.

– Розмари? – пробормотал Клаус, ежась. Будто он, повелитель мороза и холода, вдруг замерз теплым сентябрьским утром. – Нет. Только не она. Я скорее предложу должность своего секретаря Локусте¹. Предводитель племени людоедов – пожалуйста. Иван Грозный – милости просим. Но не Розмари.

¹ Локуста – самая знаменитая отравительница в истории Древнего Рима, автор многих ядов. К ее услугам прибегала Агриппина, отравившая при помощи Локусты своего мужа императора Клавдия, чтобы расчистить дорогу к трону своему сыну

Дверь кабинета, тихо скрипнув, отворилась. Но ни Клаус, ни Ричард этого не заметили. Ричард смотрел на Клауса, как мудрый родитель, которому приходится уговаривать капризного ребенка выпить рыбий жир.

– Поверь, она то, что надо. Полгода она занималась пиаром твоего магазина в Эдинбурге. Она хорошо знает Большой мир и наш мир теперь тоже знает. Ее методы креативны и нестандартны, как...

– У пациента психиатрической клиники.

– Она всегда смело и решительно идет к цели как...

– Подвыпивший горный тролль.

– Клаус! —ворон выдержал вескую паузу. – Розмари будет тебе прекрасным секретарем. Давай забудем прошлые обиды.

– Ой, давайте, давайте! – раздался за их спинами веселый голосок.

Мужчины резко обернулись. В дверном проеме стояла Молли с подносом в руках. Клаус залюбовался женой. Ее вполне можно было принять за светлую эльфийку. Длинные, золотистые волосы, точеная фигурка, большие голубые глаза, смотревшие на мир по-детски доверчиво, изящные руки, которые сейчас держали тяжело нагруженный поднос. На нем в серебряной вазочке вишневый джем, горячие румяные тосты, прекрасный гоблинский сыр, а из носика кофейника валил пар, наполняя комнату ароматом крепкого кофе. Клауса затошнило. Он вяло отмахнулся от завтрака в целом и от кофе в особенности, но Молли ничего не заметила. Она услышала только конец разговора, и он ее воодушевил.

– Джонатан, милый, Ричард совершенно прав! Моя сестра будет тебе чудесным секретарем! Я сегодня же ей позвоню.

Клаус набрал в легкие побольше воздуха, чтобы доходчиво, обстоятельно и аргументировано объяснить своей обожаемой, но несколько наивной жене, что он скорее войдет в логово огнедышащего дракона, спрыгнет с самой высокой скалы Туманного ущелья, даже согласится прийти на елку к первоклассникам, чем возьмет своим секретарем Розмари. Это было его стратегической ошибкой. Молли неловко сунула поднос на комод и побежала по коридору. А оттуда, как с ужасом понял Клаус, конечно, звонить этой княгине тьмы, стихийному бедствию, каре небесной. Словом, любимой сестренке. Пролетевший по коридору Винтерхолла сквозняк донес ее звонкое «Розмари будет в полном восторге!»

– Я в полном шоке! – объявила Розмари, выслушав сбивчивую, восторженную речь сестры. – Молли, ты серьезно? Ты предлагаешь мне вернуться в эту тундру, в эту ж... отдаленную часть мира, моя чересчур интеллигентная сестренка, где нет интернета, а вместо нормальных мужчин орки, гоблины и эти... Как их... На метросексуалов похожи.

– Эльфы? – услужливо подсказала Молли.

– Точно. И ради чего?! Чтобы работать на этого тупого зануду, узколобого ханжу и дегенерата?

Молли на другом конце линии озадаченно помолчала, потом неуверенно заметила:

– Да я про своего мужа говорила.

– Ну, и я про него.

– Но Розы, совсем это не тундра, как ты выражаешься. Это же волшебное королевство! Там столько чудес, и люди тоже есть. Не много, правда. К тому же, у тебя будет хорошая зарплата. Ты же творческая женщина, ищешь себя, так что деньги тебе нужны.

Творческая женщина презрительно фыркнула.

– Сейчас не нужны. Я с таким парнем встречаюсь! Очень крутой брокер. – Розмари понизила голос до интимного шепота. – Он бык!

Вот теперь Молли окончательно растерялась. Нет, от своей сестры она, в принципе, ожидала чего угодно. Розмари была, что называется, непоседа. И если бы не ее обворожительная внешность, ум и веселый характер, ей было бы трудно выпутываться из приключений, в которые она постоянно попадала. Впрочем, надо отдать должное Розмари – в неловкой ситуации она оказывалась, только когда сама этого хотела. Осень она встречала верхом на лошади в поисках затерянного древнего храма, о котором все писали, но никто не видел. Найдя этот храм (!!!), она в тот же день спасалась бегством от разъяренных жрецов, которые не привыкли, чтобы девица в кокетливых шортах делала селфи на алтаре в обнимку со статуей божества. Зимой она плыла на Мальдивы, но по пути, конечно же, попадала в плен к пиратам. Соблазнив капитана (и вовсе не из практических соображений, а потому что он «хорошенький»), она денек командовала кораблем после чего ее высаживали на необитаемом острове, а уже через пару дней она пила коктейли на яхте какого-то несчастного миллиардера, которому злая судьба уготовила оказаться возле этого необитаемого острова. Разругавшись с миллиардером, она решила писать скандальный роман в маленькой студии на Монмартре, но, увидев из окна художников, тут же вливалась в их творческую богему. Весной она, разочарованная в жизни и мужчинах, собиралась в монастырь, но уже через неделю танцевала на сцене кабаре. Но бык... Это слишком даже для Розмари.

Розмари верно оценила растерянную паузу и добродушно пояснила:

– «Быки» и «медведи» – это такие общепринятые названия в биржевых кругах. Участники рынка, которые играют на повышении или понижении курсов валют или ценных бумаг. «Быки» пытаются заработать на росте стоимости активов. Название родилось потому, что бык, атакуя, поднимает противника рогами вверх. А «медведи» зарабатывают деньги на падении рынка. Ведь медведь, когда нападает, прижимает врага к земле. Вот мой Чарли как раз «бык». Так, переключись-ка на видеосвязь, я тебе покажу, какое он мне на днях колечко подарил.

– Потом, потом. Тут связь плохая и вообще. Розмари, ну ты ведь согласишься?

– Только, если в Лондоне случится нашествие гигантских кальмаров. Или на меня будет охотиться Кинг Конг. Или мне будет грозить смертная казнь. Меньшие проблемы не заставят меня поселиться в доме без интернета и центрального отопления, да еще и под одной крышей с этой чумой рода человеческого.

– В доме нет чумы! – пролепетала ошарашенная Молли.

– Я снова имела ввиду твоего мужа. Ладно, сестренка, – неожиданно заторопилась Розмари, – приятно было поболтать. Пока!

Молли с минуту растерянно смотрела на смартфон, откуда раздавались равнодушные гудки. А Розмари с улыбкой положила смартфон на подзеркальный столик и окинула свое отражение придиричивым взглядом. Элегантное платье от Dior струилось по ее телу потоками жидкого серебра, тонкие шелковистые складки переливались, то вспыхивая в полумраке белым огнем, то растворяясь в тенях. Розмари повела обнаженными плечами, и на шее острыми огоньками сверкнули бриллианты. Тяжелые каштановые волосы убраны наверх, макияж она сегодня сделала яркий, вечерний. Она перевела взгляд со своего сияющего лица на мужчину, стоявшего сзади. Холеный красавец, он без нужды поправил безупречный узел галстука, взглянул в зеркало, улыбаясь одними глазами. Комната, отражавшаяся в зеркале, была под стать хозяйину. Стены отделаны плитой из амазонита, светильники в нишах теплым янтарем грели холод строгих линий мебели и камина, играли бликами на хрустале люстры. Элегантное сочетание классики и современности, требующее больших денег и хорошего вкуса. Розмари порывисто вздохнула. Милая глупышка Молли с ее нелепым предложением. До того ли ей! Этот вечер будет самым незабываемым в жизни.

Если бы только Розмари знала, насколько она права.

Иногда бывает, что каждый день твоей жизни похож на другой. Одна и та же работа, один и тот же завтрак перед работой, одни и те же дела в течение дня, а вечером те же проблемы дома, что и вчера. И иногда взмолишься в холодные, равнодушные небеса – ну пошлите хоть какое-то разнообразие в эти будни, похожие друг на друга, как капли осеннего дождя. Осторожнее, ведь наши мольбы могут быть услышаны.

Два эльфа ехали вдоль реки, патрулируя пустынный берег. Поводья крепких беренов, похожих на обычных лошадей, если бы не длинные клыки и когтистые лапы вместо привычных копыт, были брошены на луку седла. Берены следовали этим маршрутом не первый год, знали каждый камень и каждый куст на своем пути, шли медленно, в полудреме прикрыв глаза. Единственным ярким событием за последний месяц стало появление зайца на их пути. Заяц был в шоке, берены в восторге, и, если бы не строгие хозяева, была бы славная охота по сосновому лесу, а также разнообразие в меню. Ветчина надоела смертельно, а пресная курятина по выходным хищных лошадок давно не радовала.

– Что тут охранять? – ворчал один из патрульных, тот, что помоложе. – Река и река, до ближайшего тракта миль тридцать, не меньше.

– Это священная река, Кернан, – покачал головой его более зрелый напарник. – Отнесись с почтением и помни, что воды Аннон несут самое ценное, что есть у нашего народа. Возможно, когда у тебя будут дети, ты поймешь. И тогда будешь готов с оружием в руках защищать эту реку.

– Вот еще, дети. Да и никогда я бы не смог убить кого-нибудь. Ради любой святой дребедени, – фыркнул Кернан и вдруг замер, приподнявшись в стременах. – Велтен, ты слышал?

Но его напарник уже скользнул в чашу, собрав повод. Рука его легла на рукоять меча. Беренов тоже покинула сонная одурь. Они бесшумно двинулись в темноту густой хвои, когтистые лапы осторожно ступали по сухой земле. Двигались с грацией пантер, а совсем не лошадей, на которых были так похожи. А вот то, что двигалось по густому подлеску, совсем не пряталось. Трещали мелкие сучья, заорала испугнутая сорока.

– А ну стой! – Эльфы вынырнули прямо перед носом нарушителя.

Им оказался орк подросток, в грязной поношенной одежде с синей сумкой через плечо. Он заметно испугался, столкнувшись с патрулем.

– Как ты попал сюда?

– Я... Я заблудился, – забормотал мальчишка, исподлобья косясь то на одного эльфа, то на другого.

– Лжешь. Сюда можно пройти только через Зимние храмовые ворота. Только эльфам и только с пустыми руками. Что в сумке? Покажи.

Мальчишка заколебался. Но потом, вместо того, чтобы протянуть сумку, попытался. Велтен выхватил ее у него из рук и заглянул внутрь. И замер. По лицу его и без того белому, как у всех Высоких эльфов, разлилась мертвенная бледность. Никогда еще Кернан не видел на лице напарника такого ужаса. Ион впервые увидел, как у него дрожат губы.

– Это не мое, – закричал орк, – это мне один из ваших дал! Я просто должен отвезти сумку в город.

– Да что там такое?

Кернан выхватил сумку из рук старшего, заглянул внутрь. А потом выронил ее. Сумка с глухим стуком ударилась об землю. Орк резко нагнулся, схватил сумку и бросился бежать.

– Стой! Именем закона, приказываю – стой!

Беренпригнул острые уши и понесся за убегающим орком, но куда всаднику за пешим в густом непролазном лесу! Крик и приказы остановиться только подстегивали парня бежать еще быстрее. Патрульный пригнулся к седлу, пытаясь защитить лицо от хлещущих веток. Его

молодой напарник несколько секунд не двигался в седле. А потом медленно, будто во сне, потянул лук из-за спины.

– Стой, кому говорю! – Велтен с отчаянием видел, что орк уже почти скрылся в зеленом сумраке чащи.

Две стрелы, пущенные твердой рукой, почти одновременно прошили спину беглеца.

Десять минут спустя патрульные сидели на крутом обрыве, смотрели на беспокойные воды Аннон, которые несли сорванные цветы, палую листву... И кое-что еще. Первым молчание нарушил Велтен.

– Он же совсем еще пацан был.

Вместо ответа Кернан поднял сумку, которая тускло блеснула синими чешуйками, похожими на драгоценные камни, потом бережно опустил ее на траву.

– Это сапфировая кожа. Стоит такая сумка, как твой любимый трактир «Веселый лепрекон». И в ней носят только самые ценные вещи.

– А если он правду сказал? Что сумку ему дал кто-то из наших?

– Ни один эльф не способен на такое чудовищное преступление, – голос у Кернана был глухим, он смотрел на реку невидящими глазами.

Портреты пушистых монстров

Солнечный свет лился через высокие окна золотыми потоками на потертый дощатый пол. Пахло нагретым деревом, красками и влажной глиной. Маленькая мастерская, уютная, но слегка захламленная, благодаря стопкам холстов, расставленных подрамниками вперед, чтобы скрыть от посторонних глаз неоконченные шедевры, рулонами бумаги, расставленным то тут, то там, стаканами с кистями и карандашами. Среди всего этого разнообразия не сразу и заметишь художника, высокого стройного эльфа с платиновыми волосами. Он положил кисть, придирчиво взглянул на холст, потом досадливо – на часы. Ну почему муза всегда появляется, когда вот-вот должна появиться клиентка? Но что поделать, музы не слишком отличаются от обычных женщин, они предпочитают жить в хорошо натопленной студии и иметь на ужин не только грезы и вдохновение.

Эрих едва успел снять холст с мольберта, как дверь безо всякого предупреждения распахнулась. Порог переступила молодая крупная дама, по-хозяйски бросила сумочку на стул, прошла по мастерской, беззастенчиво двигая и рассматривая работы. Вела она себя, как покупательница овощей на рынке, которая придирчиво осматривает картошку или помидоры.

– Это что? А это?

Толстый палец немилосердно тыкался в нежные полотна, и Эрих каждый раз болезненно морщился. Небольшие работы она зачем-то брала в руки, словно взвешивая.

– Мне бы что-то голубое, под обои чтобы в спальню, – гудела клиентка, – и еще в белых цветах. Сейчас модно в белых цветах.

– А под обои подойдет? – съязвил художник.

Колкость его осталась незамеченной, как зубочистка для носорога.

– Подойдет, – жизнерадостно кивнула дама. – У меня и гостиная белая, и чайная, и туалет.

Эрих закрыл глаза, призвал на помощь все свое мужество, а также мысли о том, что Лизе нужно платить за школу, Гретхен пора покупать новые платья, а жена снова записалась на какие-то модные курсы. Не так, не так он представлял себе творческую свободу! Год назад он решил, что стабильная работа дизайнера рождественских игрушек – это хорошо, но ведь он талантливый художник, пора сделать себе имя и создать что-то великое. Потому, распрощавшись с компанией «Клаус и К», Эрих переоборудовал одну из комнат в доме под мастерскую

и стал принимать заказы. Но он не учел, что «великое» клиенты не хотят, а то, что они хотят, мягко говоря, великим не назовешь.

Он достал прелестный зимний пейзаж и поставил на мольберт перед клиенткой. На картине лес укрывала искрящейся шалью метель, призраками проступали из белой мглы заснеженные деревья, призраком казался и всадник, в отяжелевшем от снега плаще. Он ехал из белой мглы, струящейся за ним туманом, и ветер стирал его следы, вихрями поднимая ледяную пыль. Клиентка задумчиво уставилась на картину, потом решительно заявила:

– Недостаточно бело!

Эрих долго не раздумывал. Есть старинная техника, которой пользовались прославленные живописцы прошлого и которой теперь владеет редкий современный художник. Называется она лессировка. Суть ее в том, что особенной кистью, похожей на павлиний хвост (так она и называется), накладывается прозрачный, тончайший слой краски, под которым видны все другие. Эрих покрыл лессировкой все полотно, и теперь казалось, что смотришь на лес и всадника через белый снежный туман. Едва видны стали вершины деревьев, исчезли следы на снегу, и круп коня растворился в белой пелене.

– Нет, ну как-то... Не совсем все в белых красках.

Разозлившись, Эрих малярной кистью грубо закрасил белилами всю картину.

– Теперь хорошо?

– Ну не знаю. Мне бы что-нибудь яркое, современное.

Она бродила по студии еще минут двадцать, хмурилась, бормотала: «Ну это не то... Не совсем... Слишком старомодно...» И вдруг радостно вскрикнула и продемонстрировала Эриху прямоугольник, покрытый яркими мазками:

– Ну вот, можете ведь, если хотите! Ярко, смело, современно! Абстракция! Беру.

– Как угодно, мадам, – Эрих изо всех сил старался не рассмеяться. – С вас четыре золотых.

И пошел заворачивать покупательнице свою палитру, на которой он смешивал краски. Следующий покупатель, сухопарый желчный гоблин с порога заявил, что у него два золотых на покупку подарка уважаемому начальнику. Его новенький, расшитый золотой нитью костюм и часы стоили примерно половину дома Эриха. Художник достал все свои рисунки, графика ведь дешевле живописи, но гоблин все требовал «что-нибудь в масле». Эрих вручил ему банку сардин и выпроводил.

Одна радость – что он взял статус самозанятого, а не индивидуального предпринимателя. Все же ИП платят шесть процентов налогов с прибыли, а самозанятые только четыре, если работают с физическими лицами, ну а если с юридическими, то тоже шесть, конечно. И нет никаких обязательных отчислений в Социальный фонд. Эльфам зачем пенсия, за их долгую жизнь королевство сменит не одного властителя, а каждый царек пишет свои удобные ему законы. Да и декларацию подавать в налоговую не надо. Конечно, у самозанятых есть свои ограничения. К примеру, нельзя заниматься перепродажей товаров и имущественных прав (ха, было бы что перепродавать), нанимать сотрудников (ага, были бы деньги на этих сотрудников), добычей и реализацией полезных ископаемых (найти бы полезное ископаемое. К примеру, кости древнего Аметистового дракона на черном рынке стоят... Но к чему напрасные мечты). Услугами доставки. Но быть самозанятым можно только, если есть касса и возможность выдать клиенту чек (не развалиться, сами заберут).

Творческое настроение испарилось. Музы по духу любовницы, не жены. Не станут послушно ждать дома, пока творца где-то носит. Эрих вяло начал уборку в студии. Встречая клиентов, он всегда наводил небольшой творческий беспорядок. Во-первых, у них должно создаваться впечатление, что они пришли в храм искусств, а не в магазин, а во-вторых, все мы живем во власти стереотипов. Эриху еще можно было простить его почти вызывающую красоту и хороший вкус, но вот безупречный порядок в мастерской уже нет. По мнению большин-

ства обывателей художник должен иметь слегка безумный и диковатый вид, вести богемный образ жизни (т.е. днем спать, а по ночам употреблять вредные для здоровья напитки и активно общаться. Возможно, с участием цыган и медведей). В студии его должен царить художественный беспорядок (пустая тара от вредных для здоровья напитков, гитары и шкуры тех самых цыган и медведей и прочее), допускается небольшое количество кистей и холстов, но последние ни в коем случае не должны аккуратно стоять в отведенных для них местах.

Увы, ничем этим мастерская Эриха похвастаться не могла. Светлые, чисто вымытые полы, холсты и кисти, разобранные по размеру, на столе фотографии любимой жены Флоры и двух дочерей. Эрих взглянул на фото и умилился. Сделано оно было год назад на ярмарке. Гретхен, старшая дочь уже отрезала свои роскошные волосы по последней моде, Лиза сидела у него шее, ставя любимому отцу «рожки», Флору заинтересовали уличные акробаты, так что она вообще в кадр не смотрела. Флору вообще все время что-нибудь заинтересовывало. Вот и сейчас уехала на курсы «Открой в себе богиню» аж в Поднебесную. По мнению Эриха, пустая трата времени и денег – Флора давно в себе что-то такое открыла. Вот и сейчас бросила его с детьми и кучей работы. И единственного брауни забрала.

В дверь заглянула Гретхен.

– Папа, я знаю, ты очень занят сегодня, но можно мы с мисс Лунг зайдем на минутку? Я все понимаю, у тебя очередь...

– Очередь? – ошарашенно пробормотал Эрих, машинально оглядываясь. Очевидно, в поисках несуществующей очереди. – А, да. Ладно, заходите. Но ненадолго!

Белоснежные волосы Гретхен унаследовала в него, безмятежные и наивные (совершенно обманчивое впечатление) глаза – в мать. Но вот в кого она унаследовала бизнес-жилку, оставалось только догадываться. А она, при всей своей ангельской внешности, имела хватку настоящей акулы. Сейчас она тащила за собой эльфийку, по виду ровесницу своей матери, как муравей дохлую гусеницу. В другой руке у Гретхен была тяжелая корзина.

– Пап, я по секрету рассказала мисс Лунг, что ты очень любишь котиков.

– Я?

– Да. Прямо так же сильно, как и она. – Гретхен усадила любительницу кошек в кресло и послала отцу очень выразительный взгляд. – И рисуешь их каждый день. И ты их обожаешь, и они тебя.

Эрих рывком вернул на место отвисшую челюсть. Его взаимоотношения с котиками сводились к Огастусу. Флоре пару лет назад приглянулся «ну очень миленький котенок» в лавке домашних питомцев, а Эрих, как всегда, не смог отказать. Через пару недель новоиспеченная хозяйка и кот расстались по взаимному согласию. Огастусу не понравился постоянно не убраный лоток и регулярное отсутствие еды в миске, а Флоре привычка Огастуса видеть добычу во всем сколько-нибудь мягком и пушистом. На роль жертвы годились и домашние тапочки, и подушка, и меховое манто зашедшей на чай подруги. В результате кот перебрался в сад, где поселился в дупле старой ели и промышлял охотой и разбоем. Охотился он на птиц, белочек, брауни, иногда на Эриха. Так что в их взаимоотношениях не было особой любви и доверия, и заводить нового «котеночка» Эрих почему-то решительно отказался.

Не давая изумлению отца развиваться до степени болезненного, Гретхен зашепила:

– Мисс Лунг хочет, чтобы ты написал портрет ее котика.

– ???

– Ты ведь часто пишешь великолепные портреты котиков, прямо обожаешь это.

– ?!

– Да-да, знаю, папочка, у тебя очередь из клиентов, но ради мисс Лунг, ты же найдешь время?

– Э-э-э...

– Только папочке нужен аванс, – в нежном голоске Гретхен появились стальные нотки. – На материалы. Совсем небольшой, шестьдесят процентов будет вполне достаточно.

Эрих предпринял последнюю попытку избежать участи котопортретиста. Безуспешную, разумеется.

– Но, полагаю, кот не захочет позировать?

Клиентка оскорбленно поджала губы.

– Мой Персиваль настоящий аристократ! Неужели вы думаете, что он не сможет сидеть на подушечке в элегантной позе пару часов?

– Какой еще подушечке?

– А так вот же.

Она полезла в объемистую сумку и извлекла большую бархатную подушку, расшитую вензелями. По центру красовался герб королевства в обрамлении дубовых листьев. Эрих понял – битва проиграна, назад пути нет. А мисс Лунг открыла корзину и потащила оттуда кота. Толстый, невероятно пушистый, он все тянулся из недр корзины и никак не заканчивался. На морде его была написана вселенская апатия. А вот хозяйка смотрела на кота так, как смотрела юная Джульетта на своего Ромео. Совместными усилиями водрузили кота на подушку, точно поверх королевского герба.

Уже через десять минут Эрих понял, что этот кот может просидеть на подушке хоть целый день, главное периодически забрасывать в его пасть разные лакомства, которые его хозяйка принесла в избытке. Он делал пару плотательных движений и снова уподоблялся египетской мумии. Пару раз Эрих поймал себя на желании подойти и потыкать кота муштабелем – живой ли? Гретхен ушла, потом вернулась, позвала всех к столу выпить чаю. Персиваля, посовещавшись, к чаепитию не взяли. Уже уходя, Эрих вспомнил, что забыл закрыть окно в мастерской. А оно выходит в сад. А там старая ель с дуплом. А в нем Огастус.

– Это не опасно – оставить моего душечку здесь на целых полчаса? У вас нет собаки?

Эрих подумал, что собака была бы менее опасна, но вроде бы Огастус с утра кого-то поймал, за завтраком они слышали ужасные крики из сада. То ли хорек, то ли почтальон. Решил не возвращаться в студию. За чаем обсудили даты сеансов, размер полотна и гонорара.

А в это время в дупле ели проснулся Огастус. Настроение у него было дрянь. Пойманный с утра хорек уже закончился, вчера он выяснял отношения с лисой и свалился в терновый куст. Ни одной симпатичной самочки в радиусе пары миль он не нашел. Надо было срочно исправлять ситуацию. Кот встряхнулся и выбрался из дупла. Ему хотелось любви и крови. Пройдясь по каменной ограде, Огастус бросил кислый взгляд на дом и затрепетал от радости. Этот белобрысый недоумок, в смысле хозяин, забыл закрыть окно! Ну, держись. Конец твоим холстам и драпировкам, которые ты такой аккуратной стопочкой складываешь. И дивану. Он хоть не пушистый, зато мягкий. Сойдет. На худой конец можно пару тюбиков масляной краски сожрать.

Но что это? Огастус припечатал плоскую морду к стеклу. На подиуме для моделей появилась зеленая подушка. А на ней лежало что-то **ОЧЕНЬ** мягкое и пушистое.

Кто виновен в смерти мисс Сноу?

Немногие в наши дни могут похвастаться, что получают письма с голубиной почтой. Особенно в центре современного Эдинбурга. Но Роберт Крейн за последний месяц повидал такое, что не особенно удивился голубю с пергаментным свитком на лапке. Еще месяц назад его жизнь подчинялась размеренному ритму. Идеальный дом, идеальная жена, весьма доходный и даже симпатичный бизнес, все же к производителю детских игрушек немного другое отношение, чем, скажем, к производителю оружия или кабинок биотуалетов. Хотя очень прибыльные отрасли... Роберт немного помечтал. Но события последних дней окунули его в такое... В смысле, в волшебный мир, полный опасностей, драконов, подлых конкурентов в лице компании «Клаус и К» и приключений. Так что голубь это, господа, мелочи.

Письмо лаконично предлагало встретиться в Ostara, в семь вечера. Роберт черкнул: «Буду». Голубя он отпустил в окно, и тот спикировал в темную подворотню, прямо в чьи-то руки. А сам Роберт пошел собираться. Любопытно, чего хочет незнакомец? У него был еще лишний час, и Роберт решил пролистать прессу. Хорошего настроения газеты не добавили. «Загадочное убийство на заводе КрейнТойс! Полиция, как всегда, бессильна», «Мистер Клаус и мистер Крейн. Кто кого?», «Рождественская лихорадка начинается! Битва конкурентов». Роберт скрипнул зубами. Память вернула его в события недельной давности. Казалось, вот наконец удача – его технолог Сноу закончила работу над формулой, которая позволит делать игрушки нового поколения, яркие, прочные и невероятно дешевые. Они станут доступны самым бедным, а значит, самым массовым слоям населения. А он, Роберт Крейн, станет героем для этого населения. И утрет нос этому Клаусу, чтоб его черти взяли. Появился из ниоткуда в Эдинбурге полгода назад, а уже (поди ж ты!) угроза его бизнесу, который он строил годами.

И что же? За пару недель до презентации мисс Сноу задерживается на заводе после работы, и кто-то ее убивает, скинув в чан с пластиком. Вряд ли личный мотив, врагов у этой милой девушки не было и быть не могло, тогда кто и зачем? Дорогу он, Роберт Крейн, перешел только одному человеку – Джонатану Клаусу. Причем дважды. Роберт невольно улыбнулся, вспоминая очаровательную Молли Клаус. Но как бы мистер Клаус ни любил свой бизнес и свою жену, представить его организатором убийства Роберт Крейн не мог. Такой может убить только своим занудством и ханжеством, даром что природа не обделила его ни силой, ни смелостью. Пришел на ум образ могучего льва, самостоятельно одевающего на себя ошейник, чтобы отправиться на прогулку.

И теперь презентация и запуск производства откладывались. Роберт открыл на компьютере фотографию мисс Сноу. Вылитый Бемби. Тонкая, беззащитная шея, большие растерянные глаза, как у всех близоруких людей, снявших перед камерой очки. Роберт скрипнул зубами.

«Кто бы это ни сделал с тобой, он поплатится».

До Ostara он добрался быстрее, чем рассчитывал. Заказал себе яйца бенедикт, кровяную колбасу и миндальную лепешку. Неплохое заведение, старое, с традициями и добротной шотландской кухней. А вот интерьер скучный. Словно на выставочном стенде ИКЕА оказался. Стена белая, стена синяя, стулья, которым бы у садового домика стоять, увенчанными пластмассовой посудой. Для Молли он совершенно другое кафе сделает. Уютное, такое, куда не просто перекусить забежишь, а где захочется провести время за работой или на свидании. Роберт улыбнулся. Как же у нее глаза загорелись, когда он пообещал реализовать ее давнюю мечту! Собственный бизнес, авторское кафе, где будет выпечка по ее рецептам. Где все будет ее. Ну

что ж, а он эту мечту воплотит в жизнь, и тогда эта прекрасная девушка станет более благосклонной. Поглядим, мистер Клаус, кто у нас настоящий Санта Клаус.

За его столик, не спрашивая разрешения, присела девушка, и Роберт вспомнил ее не сразу. Ах, да, та самая журналистка, которая всего пару месяцев назад написала хвалебную статью об игрушках «Клаус и К». И продала Роберту их шкатулку для драгоценностей, механического гнома. Когда Роберт ночью увидел, как гном, бранясь не хуже портового грузчика, раскладывает по ящичкам украшения, его мнение о возможном и невозможном несколько изменилось. Так вот кто его таинственный незнакомец! А выглядит неважно. Одежда неплохая, но сильно поношенная, под глазами тени – много и неуспешно работает. Взгляд затравленный.

– Мэри Лок, – бодро и с нажимом начала она, – репортер из...

– Я помню, – мягко прервал ее Роберт, – ваша статья очень помогла моему конкуренту.

– А сейчас хочу помочь вам. Материал, который у меня есть, погубит репутацию «Клаус и К». А возможно и вовсе уничтожит эту компанию. Вам же сделает отличную рекламу. Посмотрите наброски первой статьи.

Она нервно потеребила волосы, испортив и так не лучшую прическу, и передала ему планшет. Роберт недоверчиво на нее взглянул и принялся читать. С каждым абзацем брови его поднимались все выше.

– Будет четыре статьи на первой полосе. А вот это – сумма моего гонорара, – она написала на салфетке.

Роберт наклонился к ней, сухо заговорил, глядя прямо в глаза:

– Вы понимаете, что это опасно? И что это весьма серьезные обвинения?

– Это будет бомба!

– Которая может взорваться в наших с вами руках. И мне казалось, вы дружите с родственницей мистера Клауса? Что, Мэри, переживаете не лучшие времена?

Из нее словно разом выпустили воздух. Заговорила сбивчиво, отводя взгляд:

– У меня ипотека и больная мать. Газета на грани закрытия, мне не до дружбы, мистер Крейн. Редактор сказал, сделаешь сенсацию – сохранишь и свое место, и газету. Да и вы мне заплатите, мистер Крейн. Хорошо заплатите.

Роберт настойчиво предлагал свою помощь, но Молли решительно отказалась. Точнее, пыталась решительно отказаться, но потом решительное «никогда» заменила на утешительное «потом». Ну в самом деле, что это за бизнесмен, который и в банк без чужой помощи сходить не может. Конечно, можно было обойтись без кредита вообще, попросив деньги у мужа, раз уж ей не хочется быть обязанной мистеру Крейну, но как приятно будет сделать сюрприз! Она уже прикидывала, что купит мужу в подарок на первую прибыль.

Они с Робертом вдвоем составили бизнес-план, присмотрели помещение. Очень удачно освободился маленький паб под названием «Грязный Гарри» прямо через дорогу от делового центра «Зеленые ивы». Когда-то здесь был рабочий квартал, где жили угольщики. Усталые, покрытые черной пылью и потом, они заходили после тяжелой рабочей смены пропустить стаканчик. Но времена изменились, каменные дома сменили высотки из стекла и стали, и теперь в паб заходили люди в деловых костюмах и красных джинсах. Да и название приобрело совсем другой смысл.

К счастью, Молли так никогда и не узнала, что освободился этот паб совершенно не случайно. Накануне того дня, когда Роберт сообщил Молли о своей удачной находке, прохожие видели беловолосого мужчину, который зашел в «Грязного Гарри». Минут на 15. А еще через 15 минут хозяин «Гарри», бледный и дрожащий, уже паковал вещи и вешал на дверь картонку с надписью «продается».

Еще не взошло солнце, а паб уже был куплен и сдавался за смешную цену, вот только всем желающим почему-то отказывали, пока два дня спустя в контору не зашла красивая пара. Юрист залюбовался девушкой, сделал вид, что не узнал черноглазого блондина, затянутого в траур от Армани. Молли поразила скорость, с которой были улажены все формальности. Теперь предстоял ремонт и много другого, о чем она имела самое смутное представление. Но вначале она хотела рассчитаться с Робертом, вернув ему деньги, которые он уплатил за полгода аренды.

Молли выбрала банк (а точнее, вошла в первый попавшийся) и, обмирая от собственной смелости и необычайной самостоятельности, обратилась к сотруднику – полненькому невысокому парню.

– Мне бы... э-э-э... кредит взять. Или получить.

Сотрудник просиял. В точности как серый волк, к которому в логово явился ягненок.

– Конечно-конечно! Да вы присаживайтесь! Позвольте ваши документы?

Молли позволила. Она вообще все послушно подписывала, практически не читая. Но когда перед ней возникла целая кipa бумаг высотой с ладонь, даже она смутилась.

– Это согласие на обработку персональных данных, – сияя зубами сообщил сотрудник.

– Да, но...

– Почему так много? – он понимающе закивал. – Так ведь на каждую цель обработки нам необходимо отдельное согласие. И вот тут распишитесь, пожалуйста. И тут, и здесь.

Пока Молли ставила бесчисленное количество подписей, ее не покидало смутное ощущение, что за ней наблюдают. Предчувствие ее не обмануло – за соседним столиком сидел другой молодой человек, очень похожий на того, что обслуживал ее, только еще полнее. Периодически они обменивались многозначительными взглядами. Теперь это было похоже на стаю волков, окружающую беспечного ягненка.

– Ну вот. Вот и все, – ловко забрав у Молли кучу подписанных бумаг, сотрудник банка развернул ее к своему коллеге. Тот принял охотничью стойку и жадно уставился на Молли. Только что слюна с клыков не капает. – Позвольте представить вам замечательного страхового агента замечательной страховой компании. Здесь вы можете оформить страховочку, точнее две страховочки.

– Это зачем еще? – слабо запротестовала Молли.

– Ну как же, так надо! Одна страховочка от невыплаты кредита, другая на случай вашей смерти.

Молли вздрогнула. Но сопротивлялась она недолго. Хотя сумма страховой премии, которую от нее потребовали заплатить за каждую из страховок, составила 15 процентов от суммы кредита, но банкир объяснил, что это «обычный рыночный процент» и, если у нее не хватит собственных денег, то банк с радостью предоставит ей дополнительный кредит для оплаты страховки. Правда, на увеличившуюся сумму кредита надо будет оформить отдельную страховку, но это будет «совершенно не страшно».

Наконец все страховки были оформлены, и перед ней положили новый договор – кредитный. На первой странице крупным шрифтом была загадочная надпись «ПСК» и цифра, существенно превышающая указанную в рекламе на стене офиса процентную ставку по кредиту.

– А это что за ПСК такой?

– Полная стоимость кредита. Ну, с учетом не только процентов, но и страховых премий.

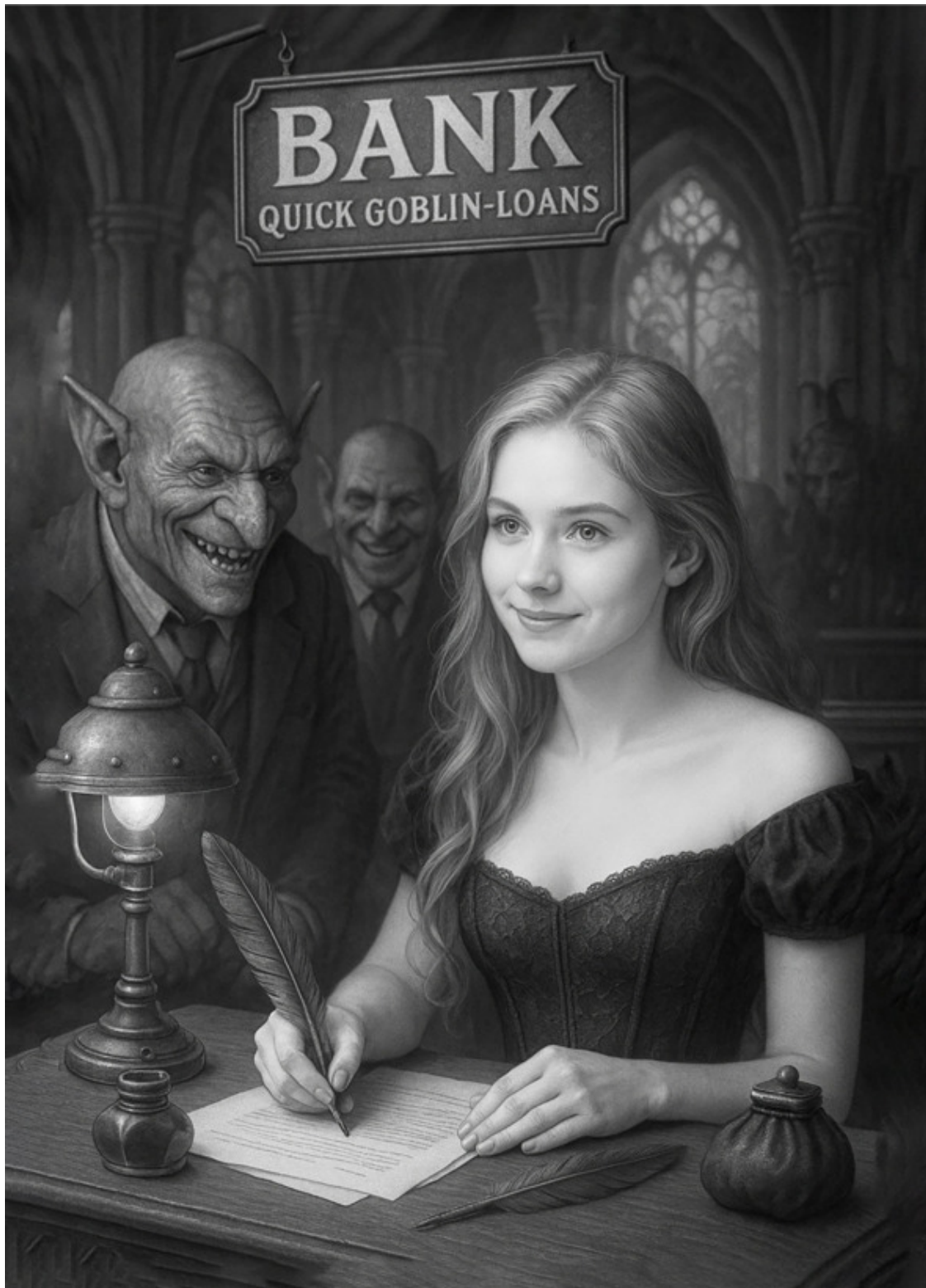
Молли медленно прочитала весь первый лист, называвшийся «Индивидуальные условия договора», стоически стараясь не обращать внимания на нетерпеливые пританцовывания сотрудников банка.

– 30 процентов годовых?! Но у вас же в рекламе указано «от 3 процентов»!

– А что делать! Риски—то у всех заемщиков разные. Вот у вас обеспечения по кредиту нет, поручителей нет, кредитной истории нет, справочку о доходах вы тоже не предоставили.

Поэтому мы с вами оформляем необеспеченный кредит. А необеспеченные потребительские кредиты вещь не дешевая. Банку ведь надо покрыть возможный риск невозврата вами кредита. Поэтому процентная ставка чуть увеличивается.

– Да уж, у нас с вами весьма несходные представления о значении слова «чуть»! И подождите, а для чего же мы тогда оформляли страховки?

Банковский клерк совершенно не смутился, а чуть ли не обиделся:

– Но это же совершенно другое! Вы же читали договоры. Вот тут, на странице 83, примечание 15.2 к пункту 176...

Молли почувствовала легкое головокружение и поняла, что примечание 15.2 ей уже не осилить. А тут еще перед ее мысленным взором всплыл интерьер будущего кафе...

– И вот, обратите внимание, еще одну подпись нужно поставить о том, что вы согласны приобрести очень важную услугу по правовой защите ваших интересов, которую почти бесплатно предоставляет совершенно независимая от нас и очень известная на побережье консалтинговая фирма «Чииз энд Фрии», в случае возникновения у вас любых проблем юридического характера, за некоторыми исключениями, перечисленными на страницах 18, 35, 76 и 142. Приложение 4 к договору, которые...

Головокружение у Молли усилилось, и образ кафе стал даже ярче.

А собственно, что она волнуется, банкиры же все лучше знают! И она подписала Индивидуальные и Общие условия договора, распечатанные на красивой бумаге, узор которой имитировал драконью шкуру.

Только попыталась отойти – как сотрудник банка вручил ей карту.

– Но я ведь карту не просила!

– Это просто для вашего удобства! Это ваши кредитные деньги. То же самое, только на карте.

Весь обратный путь домой Молли провела в размышлениях – а так ли уж важно сохранить гордость и не принять помощь от близких? Похоже, за три года заплатит она вдвое больше, чем сейчас получила. Но ничего, она справится.

– Я кредит взяла! – гордо сообщила она Роберту. – И могу вам отдать деньги, а то вы же за аренду заплатили, и мне было ужасно неловко, и я...

Улыбка на лице Роберта угасла.

– Как кредит? Не посоветовавшись со мной?

Это было так трогательно! Он беспокоится о ней, заботится. Молли смущенно заулыбалась. Но Роберт ее романтического настроения не разделял. Он был всерьез обеспокоен.

– Я хочу видеть документы. Сейчас же.

Пришлось бросать чудесный завтрак, спешить в отель, там он засел за документы и совершенно не смотрел на нее, только внимательно читал, переворачивая лист за листом. Через полтора часа, закончив чтение, Роберт сделал то, чего обычно избегал – несколько раз нервно провел рукой по волосам, сбив прическу.

– Тридцать процентов! Да по сравнению с этими банковскими сотрудниками Маммона так, жалкий школьник.

– А кто это?

– А это такой демон. Считается самым могущественным демоном жадности в мире, но теперь я что-то в этом не уверен. Послушайте, а вы имена этих ребят не запомнили? Я их найму. У меня есть несколько должников по бизнесу, об них даже коллекторы зубы обломали, но эти парни, похоже, смогут вытрясти у них все до последнего пенса. Да еще и застрахуют.

– Роберт, вы мне честно скажите, – личико Молли вытянулось. – Что-то не так? Мне разве не дали кредит?

– Да все отлично, – Роберт в гневе хлопнул пачкой документов об стол, и Молли вздрогнула. Странно, но взбешенным он ей нравился ничуть не меньше, а даже больше. Когда злился Клаус, это было как обвал в горах. Неконтролируемый, разрушительный, опасный гнев, и вылиться он мог во что угодно. Здесь же была злость человека, который обратит ее в нужное русло, а не на окружающих.

– Кредит дали. А вместе с ним... – Роберт развернул пачку договоров, – страховку от невыплаты, страховку в случае смерти, дополнительную услугу по правовой защите... Это вам зачем? Вы с мужем разводиться собрались?

– Нет!

– Я так и думал. И еще куча разных банковских продуктов, которые нужны вам, как мне налоговая проверка. Это мисселинг чистой воды!

– Что?

– Когда вам продают то, что вы не просили.

– Но... Они сказали, это входит в стоимость кредита!

– О да! А вот если от них отказаться, эта стоимость здорово уменьшится, представляете?

Молли прижала ладони к пылающим щекам. Губы у нее задрожали, на глаза навернулись слезы. Роберт смягчился. Сел рядом с ней на диван, обнял за плечи. Молли не воспротивилась. Сейчас она чувствовала себя такой маленькой, такой несчастной и одинокой. Роберт нежно провел пальцем по ее щеке, стирая дорожку слезы. Потом опустил ее голову себе на грудь. Бережно, но властно. Руки у него были жесткие, почти грубые, но такие горячие и сильные! И ей стало спокойно и хорошо.

– Я разберусь, – тихо сказал он, пропуская меж пальцев золотые локоны. – Все будет хорошо. Ты только слушайся меня теперь. И ничего без меня не делай.

Она в последний раз всхлипнула и кивнула.

Устроиться секретарем к зятю

Теперь кафе требовало дизайна. А как прикажете открывать стильное кафе без стильного дизайна. И дизайнер был нужен подходящий по моде и вкусу. И Розмари такого нашла. Алекс Страйк был востребован во всех смыслах. Его сайт и странички в соцсетях ломались от предложений пообщаться. Тоже во всех смыслах. Молли это впечатлило. Она позвонила, и встреча с Алексом была назначена.

Пока Молли сидела в бывшем «Грязном Гарри» в ожидании Алекса Страйка, а Эрих умирал дома от тоски, слушая за чаем, какие именно успехи пушистый Персиваль совершал в детстве, Розмари чувствовала себя примерно так, как британская королева Елизавета II во время коронации. Прием, на который ее пригласил ее «бык» был поистине великолепен, не менее великолепен был и последовавший за ним ужин. После ужина, естественно, подразумевалось логическое продолжение. И его Розмари предвкушала не меньше, чем красную бархатную коробочку, которую заранее заметила в кармане пальто своего кавалера.

Домой вернулись к полуночи, ее кавалер многозначительно улыбнулся, пообещал ей сюрприз и пошел открывать бутылку «Вдовы Клико». Розмари тоже многозначительно улыбнулась, прихватила сумочку и скрылась в ванной. Это еще кто кому сюрприз сделает. Она вертелась у зеркала, поправляя и без того безупречный макияж, а в это время по парадной лестнице особняка в Кенсингтоне поднялись двое молодых мужчин в безупречно скроенных костюмах. Они в два движения и совершенно бесшумно открыли запертую дверь и прошли в спальню. В руках одного из них был небольшой кейс. Увидев их, кавалер Розмари побледнел под своим мальдивским загаром и попятился.

Розмари прикидывала в каком образе предстать на пороге спальни. Дерзкая Клеопатра или робкая Джульетта? Потренировала взгляд, пленительный и манящий. По ее мнению. Один из молодых людей в это время не спеша привинчивал глушитель на Глок 19.

– Я все верну! – пролепетал брокер. – Это было временное падение курса, акции обязательно пойдут вверх, я обладаю инсайдерской информацией! Я отыграюсь!

– Поздно, – мягко заметил молодой человек, всаживая две пули в грудь и третью в лоб неудачливого брокера. Затем Глок был быстро и ловко разобран, убран в кейс, и молодые люди покинули квартиру.

А Розмари, наконец, решилась. Все же дерзкая и опасная Клеопатра! Ах, глупенькая Молли! Звать ее, роскошную и желанную женщину в это дремучее королевство, работать в поте лица на этого болвана и деспота (в смысле, зятя), где даже приличного косметического салона нет. «Даже не знаю, что может меня заставить согласиться на это предложение», – думала Розмари, появляясь в картинной позе на пороге ванной.

Через несколько секунд она уже знала. Бросив победоносный взгляд на постель, она ожидала обнаружить там пылкого влюбленного, а обнаружила окровавленный труп. Обычно собиралась она невероятно медленно, подолгу прикидывая, какую помаду положить в сумочку и понадобятся ли ей консилер и хайлайтер, и строго ли цвет туфелек соответствует сумочке. Сейчас она собралась за двадцать секунд и скатилась по лестнице, теряя туфли. Даже курточку от Армани забыла.

Молли немало удивилась, когда ее любимая непоседливая сестренка позвонила ей среди ночи и задыхающимся от волнения голосом поинтересовалась – свободна ли еще вакансия секретаря у ее замечательного, уважаемого супруга? А то она не прочь и поработать, и погостить у обожаемой сестры этак с полгодика. Или больше. И билет она уже купила, и на перроне стоит. А что без вещей – ну кому нужна эта косметика и тряпки?

У Эриха ситуация была примерно такая же. Он задремал под полуторачасовой рассказ мисс Лунг, включавший в себя подробные жизнеописания обожаемого Персиваля, пересыпае-

мый обещаниями засыпать его заказами на портреты котиков. И даже успел увидеть короткий, но совершенно ужасный сон. Во сне он сидел у себя в студии, и со всех стен на него смотрели котики. Пушистые и не очень, в бантах и без них. На стене висел диплом «Эриху Грассу, великому котопортретисту, за вклад в мировое развитие котовживописи». Из-под дивана стыдливо выглядывал номер «Сплетница Виридиума», а там на первой полосе статья под крупным заголовком «Эрих Грасс – фелинафил ли он?». Череду его страданий прервала ласточка, впорхнувшая в окно. Она опрокинула сахарницу и уронила на спящего эльфа письмо.

Эрих схватил его дрожащей рукой. От Клауса. А там, знакомым размашистым почерком была написана недлинная записка. Ланселот в отпуске. Возможно, свадебном. Так что выбыл из строя надолго. Возможно, навсегда. Так не желает ли Эрих вернуться на свое старое место дизайнера игрушек? Пока Эрих пытался осмыслить эту новость, к нему подошла младшая дочь и заявила, что порвала платье, испачкала туфли, хочет есть, пить, поиграть и погулять. Все эти проблемы он должен решить прямо сейчас. Старшая тоном змия интересовалась, не купит ли ей папочка с аванса новые сережки? На кухне в кастрюле уютно догорало молоко, за окном ржали некормленные пегасы.

– Так когда приступим к портретированию моего милого Персиваля? – внесла свою лепту в этот ужас мисс Лунг.

И тут из студии донесся победоносный «мурр» Огастуса, а сразу за ним ужасный, душевраздирающий «мяв» Персиваля. Как и во все времена, улица всегда счастлива надрать хвост дворянству!

Эриху, как и Розмари, понадобилось двадцать секунд, чтобы объяснить остолбеневшей мисс Лунг необходимость отложить написание портрета, вылететь из дома, вскочить на неоседланного, нечищеного Пегаса, который жевал на клумбе маргаритки, и взмыть в небеса.

Эдвард Джаспер вернулся из школы в самом дурном расположении духа. День прошел хуже некуда, хотя стороннему наблюдателю так не показалось бы. Для начала он получил из рук директора школы почетную грамоту как самый юный ученик школы, занявший первое место в олимпиаде по математике. Директор поздравил его, воззвал к совести и амбициям его одноклассников и трижды поставил им его в пример. После чего трое его одноклассников пообещали после уроков лично его поздравить. Проходя по коридору, он слышал, что Мэри Гвенн объявила подружкам, что теперь он официально ее парень. Затем он получил с синицей сообщение, что заказанная им игра «Последний воин дворфийского легиона» прибыла в пункт выдачи и ее можно получить.

Казалось бы, не жизнь, а сахар с медом. Но если брать случай Эдварда, это был сахар для диабетика. Самым юным победителем олимпиад он стал, поскольку перепрыгивал через класс, и сейчас был на три года младше своих одноклассников. Что не шло ему на пользу ни в спортзале, ни в раздевалке. Наделив его талантом и пытливым умом, природа решила: «А, и так хватит. Силу, рост и красоту отдадим тем бедняжкам, которым такого ума не досталось». Из чего проистекало следующее – «поздравление» друзей после уроков в лучшем случае обойдется парой новых синяков. Мэри Гвенн была девочкой доброй. Но ее, как сказал бы поэт, было много. Возможно, займись она спортом и сядь на диету, она стала бы симпатичной. Для болотного гоблина, которым она и являлась. Что же до новой игры, то она была рассчитана на одного. Занавес.

Но хуже всего было то, что, прекрасно разбираясь в математике, Эдвард не очень умел считать собственные расходы. Маркетплейс «Дикие кролики» вроде бы предлагал недорогие товары, и так соблазнительно было заказать себе то одно, то другое. Появилась эта фирма недавно и всем приглянулась. Название вполне логичное – пункты доставки плодились с невероятной скоростью и пожирали все сбережения жителей королевства. К ним быстро

привыкли и уже не замечали, что появилась то комиссия за отказ, то за доставку. Потом появилась система микрозаймов. И это стало уже настоящей чумой для сбережений Эдварда. Сегодня утром, оглядывая свою комнату, он решительно не понимал, как стал вчера обладателем дюжины носков с портретом Обалдуина Четвертого, хищного плотоядного кактуса и календаря-планировщика с изображением Угрюмого Жнеца. Надпись на календаре гласила: «DeadLine. Смерть -лучший мотиватор».

Сейчас его волновала насущная проблема, как пробраться к себе в комнату, избежав мучительной пытки – маминого обеда. Как многие матери, чьи дети повзрослели, а инстинкт материнства не угас, миссис Джаспер сосредоточила всю свою кипучую энергию на ведении домашнего хозяйства и кулинарии. Ее мужу в этом смысле было проще. Он до вечера пропадал в банке, а вечером мог сослаться на головную боль и критические дни на работе. Так что все сполна ложилось на и без того хрупкие плечи Эдварда. Несмотря на то, что он давно из детского возраста перешагнул в подростковый, его продолжали укладывать спать, будить в школу, проверять наличие шапки и подруги.

Третья ступенька на лестнице предательски скрипнула, и план прорыва с треском провалился.

– А обедать? А с мамой поздороваться?

Миссис Джаспер, уютная полноватая гнома в кружевном фартучке, всегда сиявшая добродушной улыбкой, сейчас напоминала саблезубого тигра. Причем саблезубого тигра в самом дурном настроении. Эдвард покорно побрел сначала мыть руки под строгим надзором, потом за стол.

– Так, это паровая рыбка под черничным соусом, салат с черникой, черничное суфле...

– Мам, а не много ли черники?

– Тебе надо много черники. Она улучшает зрение.

– Но у меня отличное зрение!

– Я так не думаю. Я сегодня была в твоей комнате. Если ты не видишь, какой там ужасный бардак...

– Мне не нравится, когда ты роешься в моих вещах!

– А мне не нравится, что комната моего сына похожа одновременно на хлев и оптовый склад «Диких кроликов». Начинать кушать надо не с десертного суфле, а с паровой рыбки.

– Извини. Не разобрался, что из этого десерт, а что рыбка.

«Рыбка» напоминала по вкусу и консистенции нежную белую гусеницу. Эдвард с тоской подумал о припрятанных под кроватью чипсах с чесноком и мандрагорой и бутылке сока лилипутника. А еще там были батончики «Русский змий». Под яркой упаковкой три шоколадных батончика с карамелью, вафлями и перцем чили. Хрустящих. Он сглотнул слюну. Пару недель назад миссис Джаспер нашла их во время очередной ревизии комнаты Эдварда, долго рассматривала этикетку, где трехглавый дракон извергал пламя. Потом задумчиво изрекла, что вот с такими аномалиями и родятся ее внуки, если ее сын продолжит есть фастфуд. Чем-то таким Эдвард питался последние пару лет. Но две недели назад под кроватью появилось кое-что новое. А именно гантели и внушительные запасы спортивного питания. Реклама сулила преобразование любого заморыша в мускулистого силача всего за месяц безо всяких гантелей, но Эдвард решил подстраховаться.

– А что это я пью?

Вместо привычного компота в чашке была какая-то бурда.

– Пустырик. Успокаивает нервы.

– Да нормально у меня все с нервами! – Эдвард всерьез подумывал, не засунуть ли салат с черникой в карман.

– Ничего подобного. У тебя пубертат и переходный возраст. Кстати, а что это были за ведра с белым порошком у тебя под кроватью?

– Это мое новое спортивное питание... В смысле – были?

– А-а-а-а. Ну, кот решил, что это его новый наполнитель.

– МАМА!

– Вот видишь, какой ты нервный. Пей пустырник. И не говори гадостей, не то Крампус придет.

Вот так всегда. Не делай то, не говори это. В детстве Эдвард и вправду боялся, что если будет плохо себя вести, то придет страшный, рогатый Крампус, эдакий дух антирождества. Придет с железной плетью, увенчанной крючьями, придет не дарить, а отнимать. Не награждать, а карать. Что на снегу возле дома он увидит следы раздвоенных копыт, а на крыше силуэт жуткого существа. Что угаснет огонь в камине, покроются инеем рождественские венки на стенах и раздастся тоскливый звон бубенца из черного железа. Но детство прошло, а с ним прошли страхи и вера в чудо. Взрослея, мы теряем веру в монстра под кроватью, веру в Крампуса. И веру в доброе.

Наконец эта попытка, умело замаскированная под обед, закончилась. Эдвард украдкой скинул остатки суфле в карман. Поверх салата. И поплелся к себе в комнату. Там было почти уютно, брауни разожгли камин и даже положили на стол пачку чипсов. Есть не хотелось. Он бросил на кресло пиджак. Немедленно приоткрылся ящик стола, и оттуда, деловито гудя, выбрался механический краб. Он нырнул в карманы пиджака, сердито зацокал и занялся чисткой. Впервые за день Эдвард улыбнулся. Краба этого он получил на Рождество от мистера Клауса. Бесценный подарок. И вдруг его осенило. Он как раз собирался писать мистеру Клаусу письмо с просьбой подарить ему на Рождество игру «Последний воин дворфийского легиона». Ну так вот она. Даже упаковка «Диких кроликов» не снята. Можно же попросить не такую ерунду, а что-то действительно важное. Он схватил перо и застрочил, разрывая пергамент.

«Дорогой мистер Клаус! Пусть в новом году все станет хорошо. Пусть меня перестанут дразнить одноклассники. Пусть мама перестанет так сильно обо мне заботиться. Пусть...»

Закончить фразу он не успел. Увесистый булыжник разбил окно и опрокинул чернильницу. Несколько секунд Эдвард как зачарованный смотрел, как чернила заливают начатое письмо. К булыжнику была привязана записка.

«Эдди, если ты не трус, то сегодня в полночь ждем тебя на мосту. Пройдешь испытание, станешь членом клуба „Череп“. Ну а если сдрейфишь, то будешь девчонкой. Со всеми вытекающими.»

Во рту стало сухо и горько. Эдвард закрыл глаза. Испытание. Наверняка потребуют сделать что-то нелепое, на что он не согласится. И что тогда? Травля станет еще хуже, так уж устроены и люди, и гномы. Они жестоки, но для самых гнусных поступков им требуется как бы официальное разрешение. В идеале – самой жертвы. Он взглянул на безнадежно испорченное письмо. А и ладно. Не поможет Санта Клаус, нет в его мешке такого подарка, чтобы Эдвард стал сильным и... Таким, чтобы его уважали. А лучше боялись. К горлу подступила болезненная горечь. И злость. И не отдавая себе отчета, что же он делает, он порвал залитое чернилами письмо и бросил в камин.

– Я не верю тебе, – глотая слезы, крикнул мальчик. – Не нужны мне твои игрушки, я не жду тебя в Рождество, все равно ты не можешь мне помочь! Пропади ты пропадом!

И пламя в камине шевельнулось, как живое. Оно пожрало разорванное письмо необычно быстро, хищно, жадно. Словно изголодавшийся зверь поймал наконец зверька. Закрытое, запечатое на замок окно распахнулось, и в лицо Эдварду дохнул, обжег кожу стылый холод. Порыв ветра был так силен, что мальчик едва устоял на ногах. Он пошатнулся, вздрогнул от неожиданности, но настоящий страх пришел позже. Когда темнота в углу комнаты ожила. Заколыхалась черным сгустком, поползла по стареньким обоям, которые Эдвард прежде не любил, считая букетики незабудок девчачьими, а сейчас те участки стен, что не оплела липкими щупальцами тьма, показались ему бесконечно милыми и чистыми. Камин горел сильно

и ровно, но в комнате стало так холодно, словно он был на улице в сильный мороз. Лепестки азалии в горшке покрылись инеем, и Эдвард с горечью подумал, что через несколько минут они опадут. И он никак не может этому помешать. Потому, что уже ничего не исправишь. Он беспомощно стоял и смотрел на любимое деревце, чувствуя, что начинает дрожать от холода. Дверь в его комнату распахнулась. На пороге стояла мама, и на ее лице было выражение, которого Эдвард прежде не видел. Обреченность.

– Крампус пришел, – прошептала она.

Черные эльфы

Кlaus уже привык, что новости Большого мира нужно читать не в нормальной бумажной газете, а уткнувшись носом в экранчик смартфона. Да, сети в Королевстве не было, но жизнь его сейчас курсировала на Скором экспрессе между Эдинбургом Большого мира, где теперь был и склад, и магазин, и Королевством, где был завод, выпускавший все эти волшебные новогодние игрушки. Он привык, спускаясь на вокзал, доступный только жителям волшебного мира, подгружать ленту новостей, которую потом не спеша читал за завтраком. Под треск поленьев в огромном камине и крики драконов в небесах. Кажется, сейчас у них был очередной брачный сезон. Мизантроп по натуре, он любил свой дом в гуще Северного леса, от которого до ближайшей приличной дороги было полчаса езды на олене. А вот его жене Молли явно не хватало компании, и она очень обрадовалась, когда ночью в дом почти одновременно ввалились Эрих и Розмари. Оба немного встрепанные и подозрительно вежливые.

Сейчас блудный дизайнер и свежеиспечённый секретарь тихо сидели у камина, укутавшись пушистыми шотландскими пледами, и нервно пили горячий какао. Klaus уткнулся в «Новости Эдинбурга», пристроив смартфон между кофейником и блюдом с вишневым пирогом. Ричард на каминной полке мирно задремал, с клюва съехали очки прямо на томик «Анжелики, маркиза ангелов». Ворон был уже не молод и в последнее время увлекся сентиментальной литературой. И ничто не нарушало идиллической картины...

– Что?! Лурги б меня взяли!

Klaus с такой силой ударил кулаком по столу, что на дубовой столешнице заскользила трещина. С потолка повалил густой снег, томик «Анжелики» полетел с каминной полки, под ним, как оказалось, пряталась «Философия в будуаре» всем известного француза. Эрих пролил на рубашку какао, на нее же Розмари от неожиданности выплюнула свою порцию. Только Молли, сохраняя спокойствие, начала снимать сосульки с книжной полки. Она давно привыкла.

– Что случилось, милый?

– Этот урод Роберт Крейн, чтоб его виверна сожрала, опубликовал статью, где намекает, что я замешан в смерти его технолога мисс Сноу. Дескать, прорывная формула пластика, который она придумала, оставит меня далеко позади. Как конкурента. Какие мы конкуренты? Я делаю потрясающие, дорогие вещи, что называется, эксклюзив. И малыми партиями. А он штампует тоннами дешевую дрянь! И как можно обвинять меня в смерти бедной девушки! Я даже не знал ни о ее существовании, ни об этой пластмассе, которая им рынок завоюет. Где-нибудь в российской деревеньке под названием Великая грязь. Там не трудно завоевать, мне русский коллега рассказывал.

Мороз в комнате крепчал, и Молли накинула на плечи шаль.

– Но не Роберт же статью написал?

– Нет, журналистка Мэри Лонг. Ну и что, ясно же, что это его заказ с целью подрыва моей деловой репутации. Вон и интервью с ним приляпала и фото, и реклама елочного украшения из новой пластмассы. «Наш Маленький ангел самый маленький и изящный из всех, что вы видели». Уже по всему городу плакаты расклеил.

– А у нас есть Маленький ангел? – вдруг донесся из недр кресла голос Розмари.

– Да, конечно есть, – буркнул Klaus, кивком головы указывая на верхушку ели, росшей прямо из пола. На вершине традиционно поблескивал золотыми крыльями золоченый ангел. Действительно гораздо большего размера.

– Отлично, – Розмари удовлетворенно потерла руки, в глазах ее появился блеск, которого Молли так боялась. – Печатаем плакаты с рекламой нашего, клеим рядом. Текст: «А мой больше. Размер имеет значение».

Все, кроме невинной Молли, рассмеялись. В комнате потеплело. Брауни принесли Эриху яичницу с сосисками, Розмари попыталась сказать что-то глубокомысленное о нездоровом завтраке и холестерине, но потом заказала себе такой же.

В окно влетел черный стриж и порхнул прямо в руки Молли. Она улыбнулась – от Роберта. Он всегда использовал для почты черных стрижей. Самая быстрая птица на земле. И самая дорогая в королевском почтовой службе. Она отвязала от лапки письмо и улыбнулась еще шире. Роберт уладил все ее кредитные недоразумения, к тому же, он просил о встрече, чтобы обсудить все рабочие моменты.

Кlaus напрягся. Даже про гнусную статью забыл. Мужья отчего-то не любят, когда их жены начинают ежедневно получать корреспонденцию, от которой их лица расплываются в счастливой улыбке. Некстати взгляд упал на статью, которую украшала фотография Роберта Крейна. Благодушная улыбка, безупречный виндзорский узел галстука, даже прическа волосок к волоску. Klaus вон с утра пытался уложить непослушные черные волосы, полбанки воска извел. И что? Снова колечками падают на лоб. И этот подлый змей, этот гнусный проходимец, в смысле Роберт Крейн, еще и за его женой ухаживает.

– Молли, а что там у тебя? – как можно небрежнее спросил Klaus, делая вид, что его чрезвычайно интересует рождественский венок над камином, по его милости покрывшийся инеем.

– Я открываю кафе, – решила наконец Молли. – У меня тоже свой бизнес будет. Стартап.

– Да что ты? – Klaus расхохотался, от сердца отлегло. – Ты хоть себе представляешь, что это такое?

– А разве так сложно? – смутилась Молли.

– Вообще-то не так чтобы просто, – встрепенулся Ричард, и у Молли вытянулось личико. Сейчас Ричард начнет все подробно объяснять, а этого никакие нервы не выдержат. Так и вышло. Ворон важно выпятил грудь и заскрипел:

– Вначале тебе нужно определиться с концепцией, это важно, чтобы собрать свои клиентский круг. Ну, ясное дело, что на пляже будет востребовано что-то в тропическом стиле, предлагающее различные фрешы, а в холодных горах уместнее добротная кухня и зал с камином.

Потом надо составить бизнес-план, разработать фирменный стиль, дизайн-проект сделать. Затем наступит пора инженерного и технологического проектирования, ну а после монтаж инженерных систем под нужды именного твоего кафе. Затем поставка оборудования, посуды, обучение персонала, сервисное обслуживание. Да, тебе ж еще нужно заказать и изготовить барные стойки и вывески. Купить мебель! И повара нанять приличного.

– Это цветочки, – фыркнул бессердечный Клаус. – Ягодки будут потом. Налоги, сверки, проверки, просроченные продукты, не работающая реклама, конкуренция. Лицензии на кухню и напитки для взрослых.

– Не нужны мне в моем кафе напитки для взрослых!

– Тогда вообще ничего не заработаешь. Именно на них самая большая маржа.

– Кто большой?!

– Маржа. Разница между себестоимостью товара и его отпускной ценой. По сути, это показатель эффективности твоей экономической деятельности.

– А вот заработаю! И побольше тебя. А спорим, что к Новому году у меня денег будет больше, чем у тебя?

Слова вылетели быстрее, чем Молли осознала их смысл. В комнате повисла пауза, а потом ее бессовестный муж и не менее бессовестный ворон громко захохотали.

– Нет, ну в принципе... – ворон утер непрошенные слезы, – если, скажем, начнется нашествие гигантских кальмаров на Виридиум. Или я подхвачу драконий грипп и выживу из ума. Или вдруг вспыхнет гномий мятеж или разразится магическая война. Ну, в общем, пари принято, Молли, не бей его, пожалуйста.

Клаус перехватил маленький кулачок и только собирался поцеловать, как с улицы загремел незнакомый голос. Громкий и звучный он трубил:

– Жители королевства! Внимание, внимание!

Все подбежали к окнам. В воздухе плыл, распугивая зазевавшихся драконов красно-черный дирижабль. Клаус почувствовал неприятный холодок. Этот дирижабль он видел уже трижды, и ничего хорошего он не предвещал. Семьдесят лет назад, когда он видел этот дирижабль в последний раз, тот предупреждал жителей королевства об извержении вулкана Смоук, главной вершины Огненных гор. И последовавшем затем страшном пожаре.

– Жители королевства! Пробудился Крампус! Его черные эльфы превратили в ледяную пустыню долину Ранвен! Их полчища и холод спускаются с Мглистых гор. Гоблины, которые веками охраняли эти земли, бежали. Началась война!

Все застыли. Розмари так и не донесла чашку до рта, Клаус уронил в джем смартфон, Эрих успел подцепить сосиску на вилку, да так и замер. В комнате повисла тягостная тишина. Такая, какая бывает, когда умные люди понимают, что должны что-то сказать, но не знают, что именно. Потом Эрих промолвил, сурово указывая на Ричарда сосиской:

– Накаркал.

– Что за черные эльфы такие? Кто такой Крампус? – одновременно выпалили Молли и Розмари.

Пожалуй, впервые на памяти Клауса сестры проявили удивительную солидарность.

– Давно мы не виделись, – пробормотал Клаус. – Так давно, что даже мне Крампус начал казаться персонажем древних легенд и страшных сказок, которые матери рассказывают детям в особо суровые морозные зимы, когда даже стволы деревьев в лесу стонут от холода.

Он достал с полки очень старую, очень толстую книгу. Даже страницы ее шелестели, как сухие осенние листья. И персонажи ее по большей части сестрам были не знакомы. Особенно впечатлили Молли костомахи – русалки, утонувшие не по своей воле. Очаровательные лица, красивые тела и никакой плоти на спине, открытый скелет. И тексты сказок, написанных в этой книге, она прочесть не смогла. Вроде бы английский язык, а ни слова не понять.

– А ведь именно на таком языке писал свои трагедии Шекспир. – Клаус правильно истолковал недоумение на лице Молли. – То, что мы сейчас покупаем в книжном магазине – современная обработка. А вот и он. Крампус. И его черные эльфы.

Во весь лист был изображен персонаж, похожий на сатира. Голова его была увенчана рогами, как у горного тура, мощные ноги оканчивались копытами. Одна когтистая рука сжимала плетъ из цепей, с крючьями на концах, другая тяжелый мешок. Клыкастый рот кривила жуткая ухмылка, а глаза горели древней злобой. У его ног толпились маленькие, но от этого не менее жуткие существа. Они были похожи на игрушки, созданные безумным мастером. Их тела сочетали в себе и антропоморфные, и звериные черты. Иные казались жуткой пародией на хорошо всем известного «Джека из коробки», Панча, пряничного человечка.

Розмари внимательно рассмотрела иллюстрацию. Потом не менее внимательным взглядом окинула Клауса. Удовлетворенно хмыкнув, прокомментировала:

– Твой коллега? В целом, сходство поразительное.

Прежде, чем муж успел выйти из себя, Молли попыталась разрядить обстановку:

– А это что за милая открыточка?

Из книги выпала открытка девятнадцатого века. На ней седой старик с посохом, облаченный в темную хламиду, уводил в темноту вереницу детей. Как Гамельнский крысолов. Глаза детей были закрыты, они безвольной шеренгой уходили в стужу и темноту. На верхушке посоха старика Молли увидела знакомый знак – серп, увенчанный крестом.

– А это еще кто? – вырвалось у нее прежде, чем пришло осознание, где именно она видела этот знак.

– А, ну это так европейцы представляли себе Сатурна, – охотно пояснил Ричард, – Это Рождественская открытка, представляешь? Сатурн ведь олицетворял собой начало нового года, ну и смерть старого. Ему еще в древности человеческие жертвы приносили и...

Плюх! Здоровенный ком снега рухнул с потолка, и Ричард оказался погребен под снежным курганом. Фыркая и отплеываясь, он начал отряхиваться и ворчать:

– Нет, ну что это, в самом деле?! Я же историческую справку давал! Я же с научной точки зрения!

Клаус захлопнул книгу, пряча улыбку. Розмари вгляделась в лицо Молли.

– Сестренш, а ты чего так застыла?

– Да все отлично, – пробормотала Молли, чувствуя, как холодок крадется по спине. Потому, что она вспомнила, где видела этот символ. На медальоне своего мужа, который тот никогда не снимал.

Не успели они прийти в себя, как раздался стук в дверь. На пороге сухопарая дама, похожая на голодного стервятника.

– Мистер Джонатан Брайан Клаус?

– Да, а что...

– Я Эллен Холл, сотрудник королевского управления госбезопасности. Вам предписано сохранять нейтралитет, оставаться дома и не принимать никакого участия в военных действиях. Ваши руки, пожалуйста.

Клаус машинально поднял руки и на запястьях словно из воздуха соткались браслеты из матового металла.

– Какого...?

– Никакого участия, я же сказала. Это вот предписание, – она сунула ошарашенному Клаусу в лицо пергамент с гербовой королевской печатью, – а это – ограничительные браслеты. Пользоваться своей силой в полном объеме не сможете.

– Я имел ввиду, какого демона вы вламываетесь в мой дом, надеваете на меня наручники и суετε мне в нос какие-то бумажки?!

Он явно рассвирепел, но в комнате лишь резко похолодало. Никакого снега. Дама улыбнулась нежной улыбкой стервятника, только что отобедавшего туристом, повернулась на каблуках и уже собиралась уйти, но тут ее окликнула Розмари:

– А когда вы с него браслетики снимете?

– Когда все закончится. По конвенции 1134 года существа такой огромной силы не имеют права участвовать в битвах и противостояниях. Всего хорошего.

– Подольше б это противостояние не кончалось, – тихо проворчала Розмари, вытряхивая тающий снег из волос. – Задолбал он со своими ледяными истериками.

– И что же теперь будет? – тихо прошептала Молли.

– Уже началось, – Ричард указал за окно, и Молли тихо ахнула.

Еще час назад сентябрьский вечер был теплым. Листья на деревьях едва успели окраситься золотым и красным, на клумбах цвели астры и розы. А сейчас все это засыпал первый снег. Молли подняла взгляд туда, где вершины Ледяной короны исчезали в облаках. Оттуда, с потемневшего неба, спускалась странная туча. Спускалась слишком быстро, увлекая за собой верхушки вековых елей. Молли всего однажды была в том лесу, но до сих пор не могла забыть, какие огромные и мощные там деревья. И осознание того, что эта туча ломает и гнет, как спички, деревья, которым был не страшен любой ураган, наполнила ее сердце страхом. Ричард проследил за ее взглядом. В его глазах загорелся знакомый Молли огонек – Ричард предался своей главной страсти – пессимизму.

– Лавина, – спокойно заметил он. – Лавины, ураганы, жуткие морозы. Так всегда, когда приходит Крампус. Скоро на наши головы обрушатся еще большие беды. Да вот, пожалуйста. Уже и обрушивается.

Со двора раздался шум. Меж еловых лап два почтовых пегаса осторожно спускали странную посылку. Крепкий ящик из северного кедра был перевит толстыми железными цепями, на боку красовался штамп «Осторожно. Особо опасно.» Пегасы опустили ящик на землю, и он немедленно ожил. Запрыгал по лужайке, разбрызгивая осенние листья. Из его недр донесся яростный рык. Домашние брауни, которые бросились было его распаковать, в испуге попятились.

Клаусу часто приходилось получать странные посылки. Обычно их нелепое содержимое было продиктовано детской любовью и желанием порадовать дорогого Санту, который подарил на рождество именно то, о чем мечталось. Будучи молодым и неопытным, Клаус сам открывал посылки, но потом доверил это трем самым смелым и сильным из имевшихся брауни. Всякое бывало. Чего стоил, к примеру, тортик весом в двадцать килограмм. С малиной. Конечно, изначально он был не плох, но, простояв в хранилище Королевской почты месяц (посылка затерялась на складе, как обычно), несколько видоизменился. А вот посылку с пауками «Черная вдова» доставили быстро. Передохнуть арахниды не успели (а жаль, поскольку изрядно покусали садовника Грина), их ловили в саду еще добрую неделю, пока Грин лежал дома, на больничном. Посылка эта была от Реджинальда Поута. Юный орк занимался разведением паукообразных, получив же на Рождество вожаемую энциклопедию «Самые опасные и смертоносные твари мира и как их применять», пришел в такой восторг, что решил отблагодарить милого Санту, подарив ему дюжину своих лучших экземпляров. Словом, брауни навидались всякого, но даже они обратились в бегство, когда ящик, издав боевой клич, запрыгал по лужайке. Явно не с добрыми намерениями.

– Эрих, это, наверное, тебе от поклонницы, – глаза у Розмари опасно заблестели. – Иди, встречай.

– С чего бы это? – пробурчал Эрих, но послушно подошел к окну.

– Такую кринжатину только девушка могла прислать. Которая тебя любит. Поверь, я в этом разбираюсь.

Ящик, уверенно проскакав за орущими брауни круг по поляне, врезался в вековую сосну. Сосна охнула, на несколько секунд в коре проступило недовольное морщинистое лицо, затем из земли выпростался длинный корень и рубанул по ящику. Ящик распался на части и явил миру Огастуса. Слегка помятого, но не утратившего воинственный пыл.

– Я сам разберусь, – объявил Эрих. – Мой же кот. А вы пока из дома не выходите.

– Топор дать? – сочувственно спросила Розмари, снимая со стены здоровенный боевой топор. С ним прадед Клауса когда-то шел в бой на орков.

– Тунца бы. Консервированного. – Эрих осуждающе взглянул на Розмари. – Он любит тунца. По-хорошему надо. И с людьми, и с котами. Хотя нет, давай сюда топор, – добавил он, видя, что пристыженная Розмари вешает его обратно на стену.

– Ой, конечно, – Молли метнулась на кухню. – Бедная кисонька, он же ничего не кушал давно. Эта ужасная Королевская почта...

Вернулась она с тяжело нагруженным подносом. В центре на серебряной тарелочке возлежал консервированный тунец, украшенный веточкой мяты, вокруг лежали сосиски, молодой сыр, ветчина, оставшаяся от ужина, паштет из дикого кабана, сардины и соусник со сметаной. Все усыпано изумрудными листиками свежей мяты.

Розмари принялась к веточке, венчавшей тунец.

– Сестренкиш, ты немножко попутала. Это ж обычная мята, а не кошачья.

– А они разные? – Молли растерялась. Она слышала, что мята для кошек вроде антидепрессанта. А бедной киске, конечно, требовался антидепрессант после поездки с этой ужасной, ужасной королевской почтой.

– Кошачья мята – это не мята вовсе, а котовник. С мятой его только внешнее сходство роднит. А эфирное масло в нем совсем другое. В котовнике действующее вещество непеталактон, а в мяте ментол. Так что кот это все есть не будет, коне...

Она осеклась. Эрих мужественно шагал по лужайке, держа в одной руке тяжело нагруженный лакомствами поднос, а в другой топор.

– Примерно так выглядит любая избирательная компания, – расхохотался Ричард.

Его шутку никто не понял.

Огастус принялся. Он был умным котом. Поэтому немедленно выплюнул брауни, который ринулся в дупло старой ели, стеная от ужаса. Огастус также разжал когти, отпуская козу, пойманную для одному ему известных целей. Коз этих завели для оленника, как заводят их для конюшни. Козы ловят и убивают змей, которые любят селиться в конюшне и могут убить законных обитателей, если их потревожат. Вообще-то, козе полагалось быть денно и нощно в оленнике, но добросердечная Молли считала, что это жестоко. Круглосуточно держать бедных козочек на работе. В итоге «бедные козочки» праздно бродили по саду, не находя капусты, пожирали редкие тропические орхидеи и магнолии, доводя несчастного Грина до инсульта.

Но за все в жизни приходится платить. И особенно высока цена свободы, если свобода эта идет единым пакетом с бесплатной едой и проживанием. Огастус был одинок вот уже три дня, считая день отправки и прибытия с Королевской почтой. Красивых кисок в саду не обнаружилось. Очевидно, ему хотелось с кем-то обсудить тяготы воздушной пересылки. А тут эта прелестная коза!

Поскольку Огастус был несведущ в тонкостях эфирных масел, он вырвал из рук хозяина поднос и вгрызся в содержимое, невзирая на неправильную мяту и фаянсовые ручки подноса. В последствии вместо них придется вставить нефритовые.

– А? – Эрих заворуженно наблюдал, как сосиски исчезают в пасти кота вместе с сардинками и паштетом.

Кто-то тронул его за плечо. Эрих обернулся и увидел почтового пегаса. В зубах он держал письмо. Аккуратным, деловым почерком на конверте были выведены не оставлявшие надежды строки «Мистеру Эриху Грассу».

Он открыл.

«Дорогой папочка! Это (Огастус) цена твоей свободы. Мне, итак, надо приглядывать за мелкой, заниматься домом и объясняться с твоими взбешенными клиентами. Это не шантаж. Просто мамик решила поехать на очередной семинар про прокачку мечты о самореализации, ты ж понимаешь. Останавливать я ее не хочу, в моем распоряжении тогда весь дом и наши подвал. Да! Но она нервничает и хочет припереть сюда тетю Розамунду. Типа, ухаживать за нами. Имя да, говорящее. Короче, ну на фиг. Я обо всем позабочусь, но вот Огастус – это перебор. Он сожрал вчера твой шейный платок. Ну тот, для особых случаев. И наши сторожевой пес Барни больше ничего не сторожит, если Огастус в саду. Барни, как видит Огастуса, забивается в ящик, где раньше были твои охотничьи сапоги. Почему „были“? Их он тоже сожрал. А у Барни теперь психологическая травма и депрессия. Так вот, ты получаешь Огастуса, а я НЕ получаю тетю Розамунду. Договаривайся, как хочешь. Иначе мы все приедем к тебе».

Эрих сглотнул. Потом, нарочито небрежно, спросил:

– Ребята, а никто не знает приличный, недорогой курорт для пожилых дам? Эдак на месяц. Или на три. Можно и на год.

Наступил день, которого так долго ждал Роберт Крейн. День, который выведет его на мировую арену. Да, мисс Сноу погибла, и ее таинственный убийца так и не был найден, но ее уникальная технология была полностью готова, и Роберт пустил ее в производство. За месяц он сделал образцы игрушек на любой вкус. Ярких, прочных и невероятно дешевых. Не грех будет несколько крупных партий отправить на благотворительность. Для рекламы, разумеется. Презентацией он занимался лично и тщательно все подготовил. Добрую треть Золотой мили пышно украсили. Между домов перетяжки красных и золотых фонариков, улыбающиеся девушки, наряженные сказочными персонажами, дарили детям игрушечных щенков и котят, всюду яркие рекламные плакаты.

Вспомнив хамские плакаты «Клаус и К», Роберт поморщился. Впрочем, ответил достойно. Возле этих плакатиков «Размер имеет значение» распорядился повесить двухметровые баннеры, рекламирующие «КрейнТойс» с надписью «Действительно!». Роберт бодро шагал по улице. Через полчаса презентация, сам мэр выступит с речью. Не зря подарил его ужасному сынку миниатюрную копию Феррари, на которой это шестилетнее исчадие тьмы теперь гоняет по двору голубей, собак и прислугу. А детей сколько пришло! Целая стайка столпилась у рекламного баннера, смеются. Роберт подошел полюбоваться. Хороший плакат, с новогодним настроением. По ветвям рождественской ели едет игрушечный паровозик (на радиоуправлении, между прочим) и надпись: «Дарим радость и удовольствие!»

Но что это? Возле его баннера другой, а на нем в каждом вагончике его паровозика едут игрушки от «Клаус и К». И надпись. «Действительно, и „КрейнТойс“ умеет доставлять радость и удовольствие.» Роберт хотел разозлиться, но неожиданно для себя рассмеялся. Вот подлец! А достойный соперник, с ним будет интересно побороться.

Следующий рекламный ролик показывал машинку Феррари производства «КрейнТойс», лихо обгоняющую ретроавтомобиль «Клаус и К». Там ведь пока все эти рычажки повернешь, пока настроишь все возможные опции... Опустим и скромно замолчим тот факт, что накануне Роберт Крейн, накинув купленное у Жюльетты заклятие непроницаемости на все двери и окна гаража, целый час в упоении развлекался с машиной «Клаус и К», впервые пожалев об отсутствии у него детей. Дети часто становятся официальным билетом в парк детских развлечений для серьезных взрослых. Слоган был «Быстрее к мечте». Он Роберту не понравился, банально как-то, но он вроде бы платит большие деньги своему отделу рекламы. Через три дня он понял, что интуиция его не подвела. «Клаус и К» цитировали его видео, дополняя в конце всплыва-

ющим слоганом: «А мы не торопимся. Отправлять наших клиентов на тот свет». Никаких трат на съемку ролика! Роберт отправил это видео своим пиарщикам с комментарием: «Учитесь».

Розмари, наблюдавшая за его реакцией за столиком кафе, улыбнулась. Именно она была автором этой рекламной войны и теперь даже немножко жалела, что сегодня придется поставить точку. Да, Роберт имел острые зубы, но зубки Розмари были еще и ядовиты. Она с беспокойством взглянула на часы. Неужели это ничтожество, эта ошибка природы, еще и опоздает? Нет, спешит, зеленая физиономия, плохо покрытая тональным кремом, возвышается над толпой.

А Гордон, увидев Розмари, как всегда, расплылся в глупой улыбке. Никто не мог упрекнуть тролля в трусости или слабости. Будь он чуть менее скромным, Розмари с удивлением узнала бы, что в юности он был проводником в Мглистых горах, провожая и защищая путников от таких тварей, которые не снились и авторам комиксов Марвел. Потом работал спасателем в шахтах, где добывали железную руду, вытаскивая горняков из-под обвалов и защищая их от пещерных змеев, хищных монстров, размером с небольшой автобус. Итак, он был очень смелым, но при виде Розмари терял всякую власть над собой и превращался в робкого кролика. Если, конечно, бывают двухметровые кролики с бицепсами размером с футбольный мяч. Окончательно их отношения испортились, когда он предложил Розмари руку и сердце, сопроводив предложение свадебным фамильным подарком. Слегка помятой тиарой, прежде принадлежавшей какой-то неудачливой принцессе, и драгоценным перстнем, явно трофейным. Розмари подарки почему-то не оценила, равно как и жениха. И теперь это создавало некоторую напряженность в их общении.

– Так. Ну нам надо как-то проникнуть в «КрейнТойс», и сделать содержимое флешки, которую нам оставила погибшая мисс Сноу, достоянием всего Эдинбурга. Она хотела этого, и я очень хочу того же. Проблема в том, что на входе в офис охрана, да и не факт, что мне удастся поразить своей красотой и обаянием весь IT-отдел. – Розмари сделала внушительную паузу и взглянула на Гордона. Трепещет? Не тут-то было.

– Да нормально, щас зайдём и всунем.

– Что и куда?

– Флешку. В компьютер.

Тут Розмари видела небольшую проблему:

– Ну и как зайдём? Нам пропуска нужны.

В дверях маячил внушительных размеров охранник. Лицу его явно не доставало любви и доверия костальному миру.

Гордон проблемы не видел:

– Я тут специалиста специально привел.

И к огромному неудовольствию Розмари, к ним подошла девушка. Впервые в жизни Розмари видела (по ее мнению) девушку красивее, элегантнее и женственнее, чем она сама. Ведьма Жюльетта д'Оревилли была одета в лучших традициях современного запада. Кеды на белой подошве, кургузая курточка, стоявшая, как поняла умная Розмари, целое состояние, и белый топ, как нельзя лучше подчеркивавший соблазнительные формы.

– Я же правильно оделась? – деликатно осведомилась волшебница.

Вопрос был не праздный. Жители волшебного мира были не сведущи в современной моде и допускали забавные ошибки. Но тут, к своей досаде, Розмари была вынуждена признать, что Жюльетта оделась не просто правильно. Она оделась безупречно и дорого. Утешало одно. Гордон на это совершенство вообще не смотрел, а продолжал пожирать взглядом объект своей неразделенной любви.

– Эти подойдут? – Жюльетта кивнула на пару, приближавшуюся к дверям офиса. – Возьмем пропуска, вы войдете вместо них, а они пока... Немного отдохнут.

Розмари взглянула. Ну как сказать. Мужчина похож на жабу переростка, это да, сойдет, но девушка! Обесцвеченная блондинка, к тому же явно лишние пять-шесть килограмм...

Но Жюльетта не дала им времени на раздумья. Она подошла к сотрудникам «КрейнТойс».

– Не могли бы вы мне помочь?

Девушка окинула ее оценивающим взглядом, и стало ясно – даже если бы от спасения Жюльетты зависела судьба мира, она бы этот мир спасти не стала. Зато ее спутник был совершенно другого мнения.

– Конечно-конечно! Да что угодно, где угодно.

Жюльетте была угодна ближайшая подворотня, куда она и указала царственным жестом. Мужчина энергично рванул за ведьмой, девушка неохотно последовала за ним. Выражение лица у нее было примерно такое, будто она выпила графин уксуса. Тут Розмари ощутила жгучий интерес. Сейчас она увидит настоящую магию! Интересно, какая у Жюльетты волшебная палочка? А заклинания она какие читать будет? А...

Жюльетта на секунду вздернула руку вверх, и оба сотрудника «КрейнТойс» рухнули, как срубленные березки. Ведьма протянула ошарашенной Розмари две пластиковые карточки. Потом выразительно взглянула на Гордона. Тот засуетился, долго хлопал по карманам, наконец вручил волшебнице кожаный мешочек, в котором что-то глухо звякнуло.

– А это бонусом, милая. – Неожиданно Жюльетта легонько шлепнула Розмари по лбу. – Заклятие, которое сделает тебя милой, женственной и желанной. Для успеха предприятия. Действует полчаса, так что поспешите.

Никогда еще Розмари не была так близка к убийству. Но пока она выбирала, что ответить, Жюльетта шагнула в тень подворотни и растворилась в ней. А по телу разлилось приятное тепло, и что-то мягко стукнуло в затылок. Исчез страх перед предстоящим мероприятием, и даже Гордон не казался таким ужасным, как обычно.

Охранник поздоровался с декольте Розмари, но потом все же устался на пропуск. Было от чего. Ну не слишком юная шатенка Розмари была похожа на полную немолодую блондинку с фотографии.

– Похудела, – объяснила Розмари, – и покрасилась. Вы же знаете, что женщины худеют и красятся?

Охранник знал. Он был глубоко и безнадежно женат вот уже десять лет и на собственной шкуре познал прелести двух этих женских хобби. Ванная комната раз в две недели превращалась в лабораторию алхимика, завтраков не было в принципе, а меню ужина удовлетворило бы только зайца, при условии, что он тоже худеет. В офис он пропустил их безропотно.

В техническом отделе царила атмосфера праздности. Двое айтишников с чувством выполненного долга бездельничали, глядя на монитор, где мистер Крейн в обнимку с мэром распинался о своих революционных игрушках. Розмари хищно улыбнулась.

– Мальчики, запустите содержимое этой флешки, пусть зазвучит прямо сейчас.

Один из тружеников клавиатуры подозрительно устался на Розмари и Гордона.

– А вы кто?

– Ваши новые пиар-менеджеры.

– Но мы не получали от шефа никаких распоряжений.

– Хотите его спросить?

Он не хотел. Пробовал однажды. Попросить прибавку к зарплате. Взгляд мистера Крейна был чем-то средним между взглядом Оскорбленной Добродетели и тем самым взглядом, которым Горгона Медуса обращала храбрых воинов в камень. Так что айтишник поспешно взял флешку. И заглушая торжественную речь мэра над площадью зазвучал голос мисс Сноу:

«Друзья мои! К сожалению, пластик, который я создала, высокотоксичен. И игрушки, которые из него сделаны, детям давать нельзя. Осознав свою ошибку, я поставила в извест-

ность мистера Крейна, но изменения стоили денег и времени. И он запустил производство. Я надеюсь, что моя смерть привлечет внимание общественности и снимет с меня обязательства о неразглашении...»

По толпе прокатился вздох. Айтишник наконец вышел из ступора и вырвал флешку из гнезда. Но было поздно. А Розмари и Гордон уже выбежали из помещения и смешались с толпой.

Дизайн и другие неприятности

Дизайнер предложил встретиться прямо «на объекте», и Молли вот уже двадцать минут сидела в пустом и неудобном баре, озадаченно поглядывая на часы. Конечно, творческие личности не живут по правилам нашего брэнного мира, но, если он каждый раз будет опаздывать на встречи... Звякнул колокольчик, и в бар ввалилась творческая личность. Молли глянула и опешила. Прежде она считала вызывающей манеру одеваться своей сестры. Но до Алекса Страйка Розмари было расти и расти (или падать и падать?). Растянутый до колен лохматый свитер, казалось, был связан подслеповатой старушкой, джинсы выглядели так, будто их носило не одно поколение лиц без определенного места жительства. Лицо симпатичное, но один уголок рта чуть оттянут к низу, как у Моны Лизы. Обилием колец, браслетов и прочих украшений дизайнер мог заткнуть за пояс цыганку-предсказательницу. Довершала облик прическа ala«господа, я не стригся и не мылся пару лет». Молли подозревала, что все это ужасно дорого и модно.

Окинув скептическим взглядом помещение, дизайнер вынес вердикт:

– Мрачненько. Но мы тут все переделаем. У вас уже есть концепция?

Концепции у Молли не было. Она просто хотела что-то «светленькое и уютное». Алекс обрадовался.

– Значит так, для начала нам надо создать брендбук. Ведь в итоге вы планируете сетевое заведение? Значит он совершенно необходим.

– А что это такое?

– Ну как же. В брендбуке фиксируется корпоративный стиль. Шрифт, которым должно быть написано название, цвета интерьера, упаковки. Все это закрепляется за вашим заведением, и другие это использовать не могут. Или вот. Будете открывать новое кафе, а все дизайнерские решения уже есть. И тогда прихожу я, – Алекс комично развел ладони в стороны, – и подгоняю наш дизайн под новый интерьер.

– А если я захочу что-то поменять в дизайне? – Молли задумалась.

– Тогда снова прихожу я и меняю наш бренд бук. Ну а название? Придумали?

– Ага. «Ваниль».

Алекс скривился так, будто Молли сказала что-то очень неприличное.

– Фи-и-и. Это же так банально. К тому же такое уже есть.

– Ну и что?

– Так вашу «Ваниль» тогда не зарегистрируют. При регистрации любой новой компании проверяется, нет ли уже другой с таким же названием.

– А если компания другим чем-то занимается? Например, у меня кафе «Ваниль», а есть «Ваниль», которая, скажем, косметiku делает?

– Тогда можно. Но это не наш случай. Давайте новое придумывать.

К этому Молли была не готова. Видя ее затруднения, Алекс пришел на помощь.

– Надо что-то смелое, креативное. Например «Вкусно – и все тут». Игра слов! Или «Заткнись и лопай». Или «Просто жратва».

Молли пришла в ужас.

– Это же очень грубо!

– Это круто, модно и современно. Ладно, я тут каталог отделочных материалов принес, выберем цвет стен.

И он плюхнул на стол толстый альбом. Вскоре Молли поняла, что цвет стен может быть любым, если этот цвет белый. Она растеряно листала белые листы и не видела никакой разницы. Только названия «цветов» отличались и были очень соблазнительными. «Хрустальный родник», «Первый снег декабря», «Цветок королевской лилии».

– Но они же все одинаковые!

– Ничего подобного. Вот, смотрите внимательно – этот чуть с желтинкой. А этот с розовинкой. И согните страничку, да-да, согните. Блестит по-разному.

Теперь уже Молли закатила глаза. Алекс заметил и обиделся.

– Но дорогая моя, мы же кафе делаем. А не сетевой фастфуд. Там я бы предложил желтое и красное. И только так.

– Почему?

– А потому, что психологи выяснили, что это сочетание усиливает аппетит и стимулирует купить много недорогой еды. Поэтому все известные фастфуды используют эту гамму. А вот темные тона и классическая музыка побуждает людей заказывать самые дорогие блюда. И топовые рестораны это знают и используют. А у нас кафе. Так что беленькое. Но вы не бойтесь! Мы наполним наш интерьер яркими красками! – Алекс вскочил в сильном возбуждении, подбежал к стене. – Здесь будут пятна! Мы нарисуем яркие пятна!

– Какие еще пятна?!

– Думаю, оранжевые. Но можно и розовые. А вот здесь поставим стеклянный куб с водой.

– Но я не хочу!

– Не важно. Это круто, и эффектно смотрится. А полы тоже зальем водой, сверху стекло, а внизу рисунок. Скажем, обнаженные русалки...

– У меня семейное кафе, тут будут дети!!!

– Да? Ну тогда нарисуем крокодилов с окровавленными клыками.

Почему-то эта идея Молли тоже не понравилась. Говорили еще час, и чем дальше, тем больше креативность и смелость фантазии Алекса пугали Молли. Она не думала, что дизайн – это так страшно и так трудно.

Роберт понимал, что счет времени для него сейчас идет не на часы, а на минуты. О том, чтобы собрать вещи, не могло быть и речи. Человек осторожный и дальновидный, он всегда держал в сейфе большую сумму наличных, за что сейчас мысленно поблагодарил себя. Карточкой лучше сейчас не пользоваться, полиция моментально его найдет. Какое счастье, что в Центральном банке королевства можно обменять наличные. Он отправил жене сообщение, где коротко объяснил, что случилось, и выключил телефон.

Отсюда до неприметного заброшенного особнячка, прилепившегося на краю Queenstreet, было минут пятнадцать пешком, он это расстояние преодолел за пять. Огляделся – никого. Роберт спустился в подвал и остановился у глухой каменной стены. На мгновение его охватила грусть. Вспомнился дом, который он обставил по своему вкусу, красавицу жену, свой рабочий кабинет. Увидит ли он это когда-нибудь? Нет, вряд ли. Бизнес пойдет с молотка, жена... Она никогда и не притворялась, что любит его. И Роберт знал, что если она уже прочла его сообщение, то уже звонит своему адвокату, чтобы начать бракоразводный процесс. А все же их брак был счастливым! Оба честно играли свою роль друг перед другом, не ожидая большего, чем каждый может дать.

Роберт отогнал мрачные мысли. Что толку грустить, если ничего не изменишь? Хвала богам, что ему есть куда бежать. Он коснулся рукой стены. Спасибо Молли, что она открыла ему двери в другой мир. Кончики пальцев засветились золотом, и по поверхности стены побежали огненные линии, чертя арку. словно невидимая рука рисовала по камню двери, покрытые рунами. Они распахнулись, дохнув жаром в лицо. У каждого человека они были свои. Роберт улыбнулся, вспомнив маленькую зеленую калитку Молли. Его двери подозрительно смахивали на врата в преисподнюю. Роберт прошел сквозь них, и через мгновение это снова была глухая каменная стена. А Роберт уже стоял на перроне Королевского вокзала.

В Виридиум он приехал глубокой ночью. Все таверны были уже закрыты, так что пришлось довольствоваться сендвичами с огурцом и мясом. Фиолетового цвета. Он хотел спросить у бледного, долговязого продавца, который подозрительно смахивал на вампира, чье именно это мясо, но потом передумал. Знания умножают скорбь. Теперь надо было добраться до Айронволла, где он облюбовал себе один из заброшенных особняков и который поэтому уже считал своим. Чтобы добраться до круглосуточной остановки транспорта, ему нужно было перейти на другую сторону реки. Роберт подошел к мосту и, к своему удивлению, увидел на нем группку школьников. Что делают дети на мосту в такой час?

Роберт стоял в тени старого каштана, и подростки его не видели. Они что-то бурно обсуждали и подбадривали самого маленького из них, рыжеволосого, веснушчатого гнома лет двенадцати на вид.

– Ну давай, Эд! Сдрейфил, что ли? Ты должен пройти испытание. Макс и Дин же прошли.

– Ничего я не сдрейфил, – неуверенно ответил тот, кого называли Эдом. – Но одно дело на дерево залезть, и совсем другое прыгнуть в ледяную воду...

– Не пройдешь – не возьмем в команду. И все узнают, что ты трус.

Парнишка залез на каменные перила, взглянул на чернильные воды Ронны, кое-где прихваченные льдом, и так и остался стоять, крепко вцепившись в перила.

Роберт не мог поверить своим ушам. Эти малолетние разбойники требуют, чтобы этот Эдвард или как его там, прыгнул с пятнадцатиметровой высоты в реку? Высота и нулевая температура воды делают это серьезным испытанием даже для опытного спортсмена, а этот паренек явно не может похвастаться хорошим здоровьем.

А мальчишки явно не собирались отступать. Пообещав бедняге, что завтра вся школа будет знать, какой он жалкий трус, они начали награждать своего товарища такими эпитетами и сравнительными характеристиками, что даже Роберт, выросший на улице, был впечатлен. И они своего добились. Мальчик не выдержал и прыгнул. Роберт надеялся, что внешность обманчива и пацаненок крепче, чем кажется. Увы. Внешность была честна, как никогда. Когда ребенок вынырнул, стало ясно, что он тонет. Роберт вздохнул и стал разуваться.

Когда человек тонет, его организм делает выбор в пользу дыхания, и тонущий физически не может позвать на помощь. Это уносит немало жизней. Мальчика относил течением под мост, на середину реки. Роберт заторопился. С ремнем возиться было некогда, и он прыгнул в воду в рубашке и брюках, о чем тут же пожалел. Одежда невероятно сковывала движения, и течение оказалось сильнее, чем он полагал. Вода была невероятно холодной. В тело словно впились тысячи игл, и что-то сжалось в голове. Он стиснул зубы и старался думать только о цели. А цель эта погрузилась в воду с головой.

Роберт надеялся, что вники этой беды хотя бы помогут им выбраться на берег, склоны у реки были довольно крутыми. Но они, испугавшись, убежали, бросив своего товарища на произвол судьбы. Роберт доплыл до мальчишки как раз тогда, когда он с головой ушел под воду. Он успел схватить ребенка за волосы и порадовался, что тот без сознания. В панике тонущий может и своего спасателя утопить. Последние метры до берега дались ему особенно тяжело. Выбравшись на берег, он упал от изнеможения, но тут же заставил себя встать. Мальчик не дышал, нужно было действовать. Роберт взглянул на часы – после того, как Эдвард наглотался воды, прошло пять минут. Еще можно успеть. Человека можно спасти, если прошло не более шести минут. Он положил ребенка лицом вниз через колено, и у того изо рта полилась вода. Потом пришлось делать массаж сердца. Четыре нажима – выдох, четыре нажима – выдох. Наконец, когда Роберт совсем уже отчаялся, Эдвард выплюнул оставшуюся воду, закашлялся и открыл глаза.

– Ну, с возвращением, – хмыкнул Роберт.

Эдвард уставился на него непонимающим взглядом.

– Кто вы?

– Твой ангел-хранитель. А теперь раздевайся, живо. – Роберт пытался негнущимися пальцами расстегнуть пуговицы на своей рубашке.

Роберт заставил Эдварда снять и отжать одежду, потом насухо обтереть ею тело и одеть снова. Потом отдал ему свой сухой пиджак.

– Хорошие у тебя друзья, – задумчиво протянул он, когда провожал мальчика домой, – заставили прыгнуть, а потом удрали. Что это было вообще такое?

– Ну, это чтобы в компанию приняли. Надо было испытание пройти, доказать, что не трус.

– Ага, и ты доказал. Что ж, логично – покойнику чего бояться? Мне нужно комментировать или сам все понял?

Мальчик понуро кивнул.

– Понял. Спасибо вам огромное, вы мне жизнь спасли.

– Эдвард, запомни – никогда никому не давай играть на своих эмоциях. У тебя всегда должна быть холодная голова. И не после прыжка в ледяную реку, а до.

До дома Эдварда оказалось совсем недалеко. Но этот путь показался замерзшему Роберту очень долгим. Уже через десять минут они подошли к зданию Джаспер банка. В окнах второго этажа, где жил банкир со своей семьей, свет не горел.

– Родители спят. Мы на втором этаже, над банком живем. Я тайком ушел, может, не заметят.

– Что ж, тайком и вернешься. Иди и... Я бы не советовал тебе таких друзей.

Роберт подождал, пока мальчик переберется через каменную ограду. Только сейчас он понял, как сильно замерз. Его буквально трясло от холода, пиджак пропитался водой. До его дома в Айронволле так долго добираться. А вот Русалочий тупик совсем рядом. И если Джин одна, а она наверняка одна, то конечно его приютит. Он больше не раздумывал и через пятнадцать минут уже звонил в знакомую дверь. Небольшие сомнения, конечно, были. Все же он пропал на несколько месяцев после единственного свидания, и явиться в три часа ночи к девушке в таком виде...

Джин открыла дверь, посмотрела без удивления на его мокрую и измятую одежду. На ночь она заплела волосы в две толстые косички и стояла, зябко кутаясь в смешной клетчатый халатик.

– Как дела?

– Хорошо, – бодро ответил Роберт, – у меня рухнул бизнес, меня разыскивает полиция, я потерял все деньги и завод, а еще меня бросила жена. А так все отлично.

Она почему-то заметно обрадовалась. И посторонилась, давая войти в дом.

Открытие нового дела

Проснувшись утром, Роберт обнаружил горячий завтрак под двумя полотенцами, кофейник с кофе, записку и потертый медный ключ. Джин писала, что ее рабочий день в таверне «Зеленый дракон» начинается в семь утра, так что пусть он чувствует себя как дома, а ключ ему пригодится, чтобы можно было приходить, когда хочешь. Роберт растрогался. Он привык к другому типу женщин. Холеные красавицы, тигрицы и королевы, требовавшие к себе внимания и поклонения. От них заботы и ласки было так же легко добиться, как от тигриц и королев.

Он наспех позавтракал и отправился на разведку. Поменял по драконовскому курсу деньги, прошелся по Русалочьему тупику и улочкам вокруг. Цветы купил без проблем, их тут продавали на каждом углу, в основном на крытых полосатыми тентами телегах. Нашел и лавку, где торговали красивыми серебряными украшениями. Гномья работа, тонкая и искусная. Продавец, долговязый парнишка, поинтересовался:

– Для кого?

– Для друга, – не раздумывая ответил Роберт. – Девушка. Но лучший... Да нет, единственный мой друг.

– Тогда возьмите вот это. Кельтский шип. Кулон, но вообще это сильный амулет из иного мира. Он все возвращает, усилив во много раз. Пожелает кто вашей девчонке зла – вернет многократно. Пожелает добра – опять же. Я пять лет не могу продать, – признался продавец, – никто не уверен, что такое сдюжит. Но похоже, сэр, вам повезло.

Цветок чертополоха. Малахитовые листья, стебель превращается в клинок кинжала, лепестки цветка из неизвестного Роберту сиреневого камня. Он купил, не торгуясь, и выбрал к нему массивную цепочку. Джинджер понравится, кулон почти весь зеленый. Все ее любимые ароматы имели зеленую природу. Мята, свежесрезанная трава, новогодняя хвоя, огуречный сок, который она пила со льдом после ужина. А для Молли Роберт купил дорогую брошь в виде райской птицы в солидном ювелирном салоне. При мысли о ней сердце забилося быстрее. Ну хоть какие-то плюсы.

Однако, что теперь делать? Вместо него все это теперь расхлебывать Смиту, а он не герой, бороться за компанию не станет. Скорее всего продаст свою долю. Хотя прошел слух, что он подумывал о слиянии с Британской компанией «Кренбериз». А это означает создание нового общества с передачей ему прав и обязанностей двух предыдущих и прекращением последних. И контрольный пакет явно будет не у него. Конечно, не случись всей этой истории, обрушившей всю его репутацию, в жизни бы он на слияние не пошел. Подумывал наоборот разделить сделать. Старая компания тогда прекращает свое существование, зато возникают две новые. Люди редко интересуются историей бренда, так можно отмыть репутацию. А компании он постепенно развил бы до уровня «КрейнТойс». А то и больше. Можно, в принципе, выделить сделать. Создать еще одно общество, с передачей части прав и обязанностей старого, без прекращения действия последнего. А будет, скорее всего, присоединение. Роберт уныло пнул ногой камушек. Присоединят его любимое детище к какой-нибудь «Кренбериз» с передачей ей всех прав и обязанностей. Ну, надо думать, как жить дальше. И жить здесь. Роберт перехватил букет поудобнее. Так, надо бы еще духи купить.

А вот их-то найти и не удалось. Более того, когда Роберт осведомился у румяной симпатичной цветочницы, где тут можно купить духи, она его вовсе не поняла. И, к огромному своему изумлению, он узнал, что в королевстве такой вещи просто нет. Да, ароматное мыло есть, соль для ванны. Одежду принято перекладывать саше – мешочками с ароматными пряностями и сушеными лепестками цветов. А про духи здесь и не слышали. Мозг Роберта лихорадочно заработал. Какая ниша! Да ведь так можно монополистом стать! Одна беда – в производстве

духов он понимал так же много, как светская красавица в квантовой физике. Что ж, значит надо изучить вопрос. Парфюмера сюда не привезешь, но можно ведь самому освоить производство.

Нет, идти учиться на парфюмера он не собирался. План был куда проще и значительно менее красив. Он устроится на фабрику, познакомится со специалистами, изучит процесс и технологию посмотрит. Да, называется все это очень некрасиво – промышленный шпионаж. Но Роберт Крейн никогда не делал из своей совести культа.

Он стал припоминать. Читал недавно статью про старую, знаменитую парфюмерную фабрику, выпускавшую совершенно отвратительные, зато недорогие духи. Созданная в начале девятнадцатого века, она за два столетия, по слухам, не сильно изменилась. Но недавно неожиданно запустила линейку совершенно потрясающих духов. Малыми партиями, что называется «не для всех», и очень дорого. Для общественности это стало настоящим шоком. Недоумевали – отчего же не переделать и не улучшить все, что они выпускают?

Но вот это Роберт как раз понимал. У каждой компании своя клиентура. И «Новый рассвет» имеет свою нишу. В их магазины приходят те, кто за флакон духов не заплатят больше десяти фунтов. А что можно сделать за десять фунтов? Правильно, именно то, что вы подумали. Ведь конечная стоимость товара имеет много составляющих. Тут и стоимость ингредиентов, и цена флакона, и зарплата рабочих, и налоги. И бренд, конечно. Егожена, к примеру, очень любит духи Clive Christian 1, носящие имя своего создателя, Лондонского дизайнера Клайва Кристиана. Стоит флакончик пять тысяч семьсот долларов. Роберт был совершенно не уверен, что Натали так уж нравился их запах. Скорее статусность. Одноименный модный дом выпускал в год ровно тысячу штук, еще побегай поищи. Да, конечно, в составе редкие составляющие, к примеру, иланг-иланг выращивают на Мадагаскаре в сложных погодных условиях, а без него этот аромат не сделать. Но Роберт был больше, чем уверен, что все ж это больше маркетинговый ход. Интересно, сложно будет устроиться на работу в этот «Новый рассвет»?

Молли сдержанно поблагодарила его за подарок в письме, большую часть которого занимали вопросы, заботы, беспокойства и опасения по поводу будущего кафе. Роберт сначала хотел предложить встретиться, но вдруг передумал. Идея парфюмерной фабрики его захватила, и ему не терпелось обсудить это с Джинджер. Как ни странно, в последние дни девушка, работающая в таверне с дурной репутацией, стала ему самым близким другом. Она не обладала и третью красоты Молли, зато имела ясный, живой ум и большой жизненный опыт. И вскоре между ними произошло то, на что Роберт не решился ни с одной женщиной в своей жизни. Он вообще думал, что на такое ни с кем не способен. Доверие. Полное и безграничное. Кулончик вызвал у нее бурю восторга. И она тут же его надела.

– А как так вышло, что в королевстве нет духов? Имея под боком такие удивительные растения и травы, имея возможность получать любую информацию... Опять же магия. – Роберт варил кофе «Ветер ноября». Черный кофе с медом и свежим чесноком. Напиток этот был очень популярен промозглыми осенними вечерами, среди жителей королевства, придерживающихся здорового образа жизни.

– Они были, – после паузы, необычно долгой для нее, ответила Джинджер. – Причем каждая раса делала свои, а покупали кому что нравится. Ты что, липовый мед добавил? Я же объясняла, что здесь нужен каштановый.

– Но цветочница на углу Русалочьего тупика и Литейной даже не слышала о них! Ты как насчет липового угадала? Ты же не видишь, какую я баночку взяла.

– Гвендолин? Ей всего четырнадцать. Духи запретили до ее рождения. Как угадала? Да липовый пахнет так, что хоть Светлую мать выноси. Поэтому говорю – нужен каштановый.

– А почему запретили? – Роберт с сожалением поставил любимый липовый мед на место.

– Именно потому, что ты сказал. Слишком много возможностей. – Джинджер оживилась, поставила на место медный котелок, который чистила, и достала фарфоровые кофейные чашки. – Пока каждая раса делала свои, еще полбеды. Ты ведь, конечно, знаешь, что духи строятся из трех нот?

Роберт не знал.

– Верхняя, самая легкая, древесно-минеральная. Запахи свежести, воздуха, солнца. Такие делали эльфы. Средняя фруктово-цветочная, это люди. И нижняя животная. Это дворфы. А потом наши парфюмеры почерпнули идею, что можно строить аромат, используя все три сразу.

– Где почерпнули?

Джинджер недоуменно уставилась на Роберта.

– Как где? У вас. В большом мире. И духи стали настоящим оружием. Ароматы стали способны вызывать доверие к своему обладателю, вызвать страсть или страх. За пару монет ты мог купить уважение, любовь или ужас. Но, конечно, чары рассеивались, стоит угаснуть флеру духов в воздухе.

– Мне кажется, запрет духов лобби зельеваров продавило, – рассмеялся Роберт. – Эдак можно на зелье не тратить, проще нагнать страху на подчиненных, просто войдя в офис, чем литрами лить эликсир в кофе сотрудников за завтраком. Но Джин, ладно, это все запретили, производство остановилось, но... Пару заброшенных заводиков-то найдется?

– Но любому подданному королевства запрещено делать духи!

– Так я пока и не подданный, – хохотнул он.

Новости с каждым днем были все хуже. Тролли уверенным маршем двигались к столице, жители деревень и городков, через которые пролегал их путь, покидали свои дома и бежали в леса. Королевская армия двигалась медленно и никак не могла добраться до мест, где была нужна ее помощь. Многие потянулись в столицу и окрестные города, полагая, что там они будут в безопасности. Был захвачен и пока удерживался Грозовой перевал, где проходил торговый путь между королевством и Поднебесной. Жители Поднебесной отнеслись к ситуации как всегда философски. Нас не особо касается, ну и ладно. Да, пострадал рынок сбыта, ведь королевство было основным покупателем ткани и бумаги, ну так это не единственный рынок. Жаль, конечно, но война ж не вечная, кончится когда-нибудь. Ну сколько эти войны длятся – десять лет, сто? Словом, мелочи. С их, поднебесной точки зрения.

А вот по королевству прекращение поставок ударило очень. Клаус понимал, что красивых шелковых мешочков для подарков он скорее всего не получит. То же касалось и беленой бумаги для открыток. А платья для кукол из чего теперь шить? Клаус бранил себя, что не сделал все закупки заранее. Скидок ждал! Вот и дождался. И что теперь делать?

– Ну не все ж мы в других странах должны покупать, – подумав, заметил Ричард. – Наверняка и у нас можно найти замену импортным, то есть иностранным товарам. Это называется импортозамещение.

Сказано – сделано. Первым делом нужно было решить проблему с красками. Механические рабочие его фабрики создают удивительные игрушки. С конвейера может сойти механическая кукла, с глазами цвета зимнего неба, кролик, прячущийся в шляпу, или паровозик, который будет скользить по еловой хвое. И Клаус отправился в крошечный городок, спрятавшийся между Озерным краем и безжалостной, мертвой пустыней Гетой. Путь был неблизкий, попытайся он преодолеть его на лошади или в карете, заняло бы пару недель. К счастью, олени Санта Клауса летают и не только в Рождественскую ночь. Верный Рудольф, конечно же, доставит его в город Ранн с превеликим удовольствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.